

The background of the cover is a dark, moody illustration. A large, gnarled tree trunk with dark, twisted branches dominates the right side. A bright, solid yellow circle, representing the sun or moon, is partially obscured by the tree's branches in the upper left. A man with long, dark hair, wearing a white traditional robe, sits on the ground at the base of the tree. In the lower left, a red fox with a large, bushy tail is depicted in a crouching position, looking towards the man. The overall color palette is dark with contrasting bright yellow and white.

ДЕВЯТЬ ХВОСТОВ

БЕССМЕРТНОГО
МАСТЕРА

Джин Соул

18+

Джин Соул
Девять хвостов
бессмертного мастера
Серия «Сказания о
магии Поднебесной»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69290821
Девять хвостов бессмертного мастера: АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-155349-4

Аннотация

Господин-с-горы долгие годы жил в уединении на горе Таошань. Как и всякий бессмертный мастер, он мечтал вознестись, чтобы стать небожителем, однако, наложенное на него проклятие настигло Господина-с-горы раньше долгожданного вознесения. Теперь ему предстоит переродиться и добиться огромных высот культивации с самого нуля. Но это меньшая из его проблем... Ведь перерождение – вещь коварная, неизвестно, каким хвостом вильнет.

Содержание

От автора	6
Лисий словарь	7
[001] Господин-с-горы никогда не снимает маску	8
[002] Господин-с-горы проклят	11
[003] Господин-с-горы получает второй шанс	15
[004] Господин-с-горы получает и теряет хвост	22
[005] Господин-с-горы встречается Лиса-с-горы	27
[006] В Лисьем дворце	32
[007] Господин-с-горы постигает Дао Лисы	37
[008] Господин-с-горы узнаёт Лиса-с-горы	42
[009] Господин-с-горы притворяется кем-то ещё	46
[010] Достойный противник	49
[011] Господин-с-горы говорит о Господине-с-горы	53
[012] Господин-с-горы осквернён	58
[013] Господин-с-горы участвует в поминках по самому себе	64
[014] Чудодейственная пилюля	71
[015] Господин-с-горы отращивает хвост	75
[016] Урок игры в шахматы	80
[017] «Вот так неожиданность!»	84
[018] Господин-с-горы вспоминает о чувстве приличия	91

[019] Ещё о Дао Лисы	96
[020] Господин-с-горы обретает имя	99
[021] Шисюн и шиди	104
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Джин Соул
Девять хвостов
бессмертного мастера

© Д. Соул, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

От автора

Главными героями новеллы являются лисы. У них, как и у людей, есть свои обычаи и культура. Говорят лисы одинаково хорошо как на человеческом, так и на собственном языке. Но нередко они вворачивают в свою речь лисьи словечки, многие из которых являются обычными человеческими, попросту изменёнными на лисий манер. В лисьем языке слова могут означать что угодно в зависимости от контекста.

Уверена, у вас прекрасно получится говорить по-лисьи и понимать язык, если вы выучите наиболее популярные лисьи слова.

Лисий словарь

В лисьем языке слова могут означать что угодно в зависимости от контекста. Наиболее употребительные лисьи словечки:

Вылисить – научить уму-разуму, вышколить; устроить взбучку; вылизать шерсть.

Лиситься – греться или спать, свернувшись клубком или прижавшись друг к другу; вылизываться; устраивать лисьи забавы; совершенствоваться (заниматься лисьей культивацией).

Лисоблуд – то, что запрещено делать лисам, табу.

Лисьекусь – ритуальный лисий укус.

Облисить – выучить лисьим повадкам, сделать похожим на лиса; обмануть.

Прилисываться – требовать внимания, подлизываться.

Слисить, прилисить – стащить, присвоить.

Улиснуть – сбежать; уйти от ответа.

[001] Господин-с-горы никогда не снимает маску

О том, какое у Господина-с-горы лицо, никто точно не знал. Бессмертные мастера изредка спускались в посёлок, чтобы принять участие в праздничной процессии в честь очередного небожителя, но на Господине-с-горы всегда была маска из тонкого фарфора, закрывавшая лицо ото лба до подбородка.

Слухи о нём ходили разные. Одни считали, что Господин-с-горы так уродлив, что не хочет пугать своим видом людей, потому и носит маску. Другие полагали, что Господин-с-горы слишком красив, чтобы показывать лицо простым смертным, и носит маску, дабы не ослепить их своей красотой. Третьи прибавляли, что Господин-с-горы попросту боится, как бы красота его лица не увяла от палящего солнца или колючего ветра, поэтому закрывает лицо маской, когда спускается с горы.

Господин-с-горы был исключительно красив на самом-то деле. Так красив, что даже небожители бледнели и оскверняли себя завистью, когда глядели на мир смертных через зеркало Истины! Но маска, которую он носил, призвана была скрывать не красоту или уродство его лица, а само лицо.

Господин-с-горы был слишком красив для обычного че-

ловека или даже бессмертного мастера. На горе поговаривали, что его породило семя небожителя, не иначе. У Господина-с-горы были светлые глаза, похожие на воду в горных ручьях, с лёгким отсветом льда, который вспыхивал сильнее в момент проявления эмоций, и поистине роскошные волосы оттенка спелых каштанов.

Гора, на которой жили бессмертные мастера, называлась Таошань, или Персиковая гора. Тут следует оговориться, что бессмертные мастера вовсе не были бессмертными. Так их прозвали люди, а они были всего лишь даосами, мечтающими однажды вознестись. Но для вознесения и возведения в ранг небожителя требовалось накопить немыслимое количество духовных сил, и именно поэтому Господина-с-горы на Таошань терпеть не могли.

Господин-с-горы вовсе не занимался культивацией, никто никогда не видел его медитирующим или постигающим Дао той или иной техники, но запас его духовных сил был таков, что он мог заставить сухое дерево расцвести весенними цветами одним лишь мановением пальца. Господин-с-горы родился с духовными силами и к двадцати годам достиг такого уровня культивации, что при желании мог бы вознестись в любой момент. Вот только почему-то этого желания он никак изъяслять не желал!

Господин-с-горы кичился своей исключительностью – так казалось даосам. Пока они корпели над очередным свитком или до потери пульса медитировали, пытаясь повысить уро-

вень культивации, Господин-с-горы слонялся по горе, лениво обмахиваясь веером, и развлекался тем, что любовался своим отражением в небольшом зеркальце, которое всегда носил при себе. Одежда его, вызолоченная и расшитая шёлковыми нитями, годилась скорее для принца, чем для даоса, но он не удосуживался носить то же, что и остальные. Господин-с-горы делал то, что ему нравится, и носил то, что ему нравится, и это популярности ему тоже не добавляло.

У Господина-с-горы была коллекция фарфоровых масок. Расписывал он их сам. Предназначались они только для тех случаев, когда даосы спускались с горы в посёлок на празднества. На горе маску он не носил. Объяснять, почему он скрывает лицо на людях, Господин-с-горы тоже не пожелал.

Даосы хоть и звали его почтительно шисюном¹, но втайне ненавидели за то, что никогда не станут такими, как он. Ненавидь они его вдвое меньше, быть может, ничего бы и не случилось.

¹ Шисюн – брат-наставник, старший брат.

[002] Господин-с-горы проклят

Господина-с-горы проклинали по десять раз на дню.

Люди жалки и слабы, когда дело касается зависти или ненависти. Дурные слова слетают с языка быстрее, чем стрела с тетивы. Каждый из даосов считал своим долгом позлословить о Господине-с-горы, вернее, о том, кем они никогда не станут хотя бы и потому, что опускаются до злословия: Господину-с-горы была присуща некая отстранённость, свойственная достигшим просветления людям. Он не замечал косых взглядов и не слышал проклятий в свой адрес. Проклятия, впрочем, всегда отвешивали за глаза или сквозь зубы.

Сложно сказать, какое именно из сыплющихся градом проклятий стало последней каплей. Они никогда не произносились именно для того, чтобы причинить вред: в сердцах чего не скажешь! Но злоба накапливалась, оскверняя души и истачивая ауру, и злые духи не преминули этим воспользоваться.

В то утро Господин-с-горы почувствовал себя дурно. Это не было физическим недомоганием, но он ясно ощутил в себе присутствие Скверны. Это его встревожило. Он сел в позу лотоса и попытался медитацией восстановить духовное равновесие, но омерзительное ощущение пустоты внутри нику-

да не делось. Ци² всегда циркулировала по телу свободно, а теперь ей будто приходилось продираться сквозь бесконечные дебри духовных каналов. С лица его сбежала краска, и он вынужден был послать за лекарем.

Лекарь проверил у него пульс, взглянул на ауру сквозь кристалл небесного зрения и поставил неутешительный диагноз:

– Это проклятие.

– Проклятие? – поразился Господин-с-горы.

Лекарь утвердительно кивнул и прибавил, что это смертельное проклятие, которое обычным людям не снять, но, вероятно, если Господин-с-горы вознесётся, то небожители что-нибудь придумают.

Господин-с-горы выругался. Как он мог вознестись, когда в его теле воцарилась Скверна? С таким «довеском» не принимают на Небеса.

По горе поползли слухи. Даосы, может, и подозревали, что проклятие Господин-с-горы схлопотал по их милости, но вслух о том не говорили. Они предпочитали думать, что это наказание за чрезмерную надменность, какую они всегда видели в Господине-с-горы.

«Небожители всё видят, – шептались они, – Небеса его покарали».

Господин-с-горы был слишком удручён, чтобы слышать это. Проклятие быстро разъедало ауру. На красоте его это

² Ци – жизненная энергия, духовная сила.

никак не отразилось, и тем ошеломительнее казалась произошедшая с ним перемена. Его чистые, льдистые глаза подёрнулись тусклой плёнкой, и даже волосы будто утратили сияние. Господин-с-горы подолгу сидел в беседке у горного озера и невидяще глядел на своё отражение в воде. Пальцы его правой руки лежали на запястье левой, он неотрывно слушал собственный пульс, час от часу всё слабеющий. Духовные силы таяли, пожираемые проклятием, но запас их был настолько велик, что прошло бы несколько лет, прежде чем они истощились полностью.

Что произошло у озера в тот день – никто из даосов точно не знал, но к полудню они выловили из озера хладный труп Господина-с-горы. Не изуродовала его красоты и смерть. Даосы столпились вокруг, растерянно глядя друг на друга. Чтобы похоронить покойника согласно обычаем, необходимо было знать, как он умер. Была это случайность или самоубийство?

Некоторые полагали, что Господин-с-горы утонул случайно, опрокинувшись в воду, когда слишком низко наклонился, чтобы разглядеть собственное отражение. Другие считали, что он предпочёл прервать собственную жизнь, не дожидаясь, когда проклятие превратит его в немощную рухлядь, – для даоса это было страшнее всего. Но те, кто добровольно уходил из жизни, теряли право на перерождение. Разумеется, как и все даосы, Господин-с-горы об этом знал.

Если это была случайность, тело полагалось кремировать,

а прах зарыть на вершине горы под персиковыми деревьями.

Если он сделал это намеренно, то труп следовало сбросить с горы в бездонную пропасть – на поругание диким зверям и злым духам.

Ни того, ни другого даосам сделать не удалось.

[003] Господин-с-горы получает второй шанс

Пока даосы судили да рядили, что делать с телом Господина-с-горы, произошло событие из разряда тех, что даже бессмертные мастера считают сверхъестественными. Их собственные тени поднялись, превращаясь в четыре полупрозрачных силуэта, и встали у трупа Господина-с-горы: двое – у плеч, двое – у стоп.

– Проклятие... вернётся... наславшему... – гулким эхом сказали они невидимыми ртами.

После все четыре вместе с телом Господина-с-горы медленно ушли под землю, и ничего не осталось, даже мокрая земля высохла.

Даосы, опомнившись, дружно решили, что Господина-с-горы черти утащили в ад, и порадовались, что не придётся хлопотать о похоронах.

Даосов ждал их собственный ад, но они ещё об этом не знали.

Господин-с-горы очнулся – или полагал, что очнулся – в сумрачном месте, лишённом звуков, запахов и цвета. Он будто видел, не видя, слышал, не слыша, и говорил, не произнося и слова. Смутные очертания реки, перекатывающей волны в полном безмолвии, намекали на вполне очевидный

ответ: он находится в загробном мире, у Реки Душ. Выходит, он уже умер. Господин-с-горы этого не помнил. Он оглядел себя и невольно удивился, что прежнее одеяние всё ещё на нём и не сменилось на белый покойницкий саван и головную повязку.

– Похоже, не так уж и много мы знаем о реальном положении вещей по Ту Сторону, – беззвучно сказал Господин-с-горы.

Тут он заметил, что не один. Подле него стояли четыре тени, а напротив – вполне материальный старик в длинной белой хламиде и с веслом в руке. Господин-с-горы сообразил, что это перевозчик душ, а перевозчику душ следовало платить за переправу. Господин-с-горы пошарил по одежде, но талисманов, которые заменяли деньги в загробном мире, не нашёл и разозлился: даосы, похоже, не жгли по нему ритуальных бумажных денег!

– Мне нечем заплатить, – сказал Господин-с-горы. – В долг, конечно, нельзя?

Старик потёр бороду и скрипуче рассмеялся:

– За кого ты меня принимаешь?

– Разве вы не перевозчик душ? – удивился Господин-с-горы.

– Я Вечный судия, отвечающий за перерождение, – сказал старик и приосанился.

– А весло?

– Перевозчик душ попросил подержать, пока он отлучил-

ся в кусты.

Господин-с-горы был потрясён:

– Разве перевозчику душ нужно отлучаться в кусты? Где тут вообще кусты?!

Вокруг не только кустов – вообще ничего не было!

– Появляются, когда приспичит, – пояснил старик.

Господин-с-горы оживился:

– Значит, и ритуальные деньги тоже?

– Нет.

Господин-с-горы огорчился, но не настолько, чтобы впасть в отчаяние:

– Увы, тогда Реку Душ мне не пересечь.

– Ты вообще её пересекать не будешь.

Вот тут уже Господин-с-горы не только озадачился, но и встревожился:

– Как это?

Старик поморщился:

– Задал ты нам задачку! Зачем было сигать в озеро и топить?

Господин-с-горы не был уверен, что всё было именно так. Он вообще плохо помнил, что с ним случилось.

– Кажется, – медленно проговорил он, – я сиганул в озеро не чтобы топить. Не припомню за собой желания свести счёты с жизнью. У озера я размышлял, как избавиться от проклятия. Должно быть, я заснул, упал в воду и утонул.

– Сиганул, – хором возразили четыре тени.

– А это кто? – невольно поёжился Господин-с-горы, хотя холода уже не мог чувствовать.

– Лучше тебе не знать, – уверенно сказал старик.

Господин-с-горы тоже был уверен, что лучше ему этого не знать.

– Как Вечный судия, – сказал между тем старик, исполнившись ещё большей важности, – я решаю, кому переродиться, а кому нет. Ты переродиться не должен, поскольку это был добровольный уход из жизни.

– Нутром чую, что не так всё было, – возразил Господин-с-горы.

– С другой стороны, – продолжал старик, не слушая его, – ты был слишком добродетелен при жизни.

– А разве можно быть слишком добродетельным? – усомнился Господин-с-горы.

– Решено сделать для тебя исключение: ты переродишься вновь, но будешь наказан за то, что отринул право на перерождение. Ты должен будешь за вновь дарованную тебе жизнь достичь того уровня культивации³, каким обладал при рождении в жизни прошлой.

Сказав это, старик по мановению руки создал из воздуха небольшой мешок, расшитый золотом и алым шёлком. Мешок повис в воздухе напротив Господина-с-горы, очень подозрительно треща. Может, он был набит змеями?

³ Культивация Ци – китайская практика совершенствования жизненной энергии, в этом случае – для становления небожителем.

– Ты сам выберешь, кем станешь в следующей жизни, – объявил старик, – тyani жребий.

Господин-с-горы с этим не спешил:

– А если я стану камнем? Как камень может стать даосом?

– В мешке только живые существа, – сказал старик. – Тyani жребий.

Господин-с-горы всё ещё не спешил:

– А воспоминания о моей прошлой жизни я сохраняю?

– Нет.

– Откуда же я тогда узнаю, что мне вообще нужно становиться даосом? – возмутился Господин-с-горы.

– Ты можешь сохранить воспоминания, но придётся за это заплатить. Ранг существа, в которое ты переродишься, понизится.

Господин-с-горы решил, что имеется в виду уровень духовных сил человека, и тут же согласился. Старик вновь махнул рукой, прежний мешок пропал, появился новый, этот был расшит серебряными нитями, и в нём тоже что-то очень подозрительно трещало.

– Что ж, будь по-твоему. Тyani жребий.

– А узнать, кто наслал на меня проклятие, я могу? – спохватился Господин-с-горы.

– Можешь, но ранг существа, в которое ты переродишься, снова понизится, – ответил старик.

Господин-с-горы решил, что это будет означать полное отсутствие духовных сил, но согласился без колебаний: сохра-

нив воспоминания, он сможет освоить Дао⁴, которые помогут ему стать даосом и в следующей жизни. Старик крикнул и достал третий мешок, этот был из простой дерюги, но трещало в нём так же подозрительно, как и в первых двух.

– А что со мной станет, когда я достигну прежнего уровня культивации? – спросил Господин-с-горы, прежде чем сунуть руку в мешок.

– Вероятнее всего, вознесёшься, – добродушно ответил старик, – и станешь небожителем. Тяни уже жребий, не то развоплотишься и станешь тенью: ты уже долгонько здесь.

– А кто на меня проклятие наслал? – возмутился Господин-с-горы. – Ты ещё не сказал! Надуть меня хотел? Я ведь заплатил!

– Даосы.

– Кто именно?

– Все. – Старик так ухмыльнулся, что Господина-с-горы передёрнуло. – И что ты будешь делать с этим? Помни: желание мести ведёт к Скверне.

– Пф, – отозвался Господин-с-горы, сунув руку в мешок, – в глаза им взглянуть... или, быть может, плюнуть...

– Это можно, – кивнул старик, усмехнувшись.

Господин-с-горы что-то нащупал в мешке, но не смог понять, что именно. На ощупь оно было... никакое.

⁴ Дао (*кит.*) – путь. Одна из важнейших категорий китайской философии. Толкуется как «путь человека», то есть нравственное поведение и основанный на морали социальный порядок.

– Выбор сделан, – сказал старик, приподняв весло. – Тебе даётся второй шанс, не упусти его.

В этот момент Господин-с-горы почувствовал, что его всего скручивает и затягивает в этот самый мешок.

[004] Господин-с-горы получает и теряет хвост

О том, что он больше не в загробном мире, Господин-с-горы понял сразу, как только очнулся. Он был окружён звуками и запахами, причём воспринимались они необыкновенно остро. Голова была наполнена тысячами голосов, но все они говорили на разных языках, и Господин-с-горы подивился, что понимает их все. Слова были очень странные, даже абсурдные, но он решил, что ещё не пришёл в себя после перерождения, поэтому пребывает в несколько изменённом состоянии сознания.

Глаза открыть он смог не сразу, поэтому не знал, где находится и в кого переродился. Хотелось бы надеяться, что не в младенца, а уже в подращенную человеческую особь: начинать путь культивации с мокрых пелёнок было слишком унижительно для того, кто сохранил все свои воспоминания. И ещё хотелось бы надеяться, что эта человеческая особь будет не слишком уродливой. Ведь он был так красив в жизни прошлой!

Господин-с-горы открыл глаза и увидел над собой высокое прозрачное небо, какое бывает лишь в «Белые Росы»⁵. Получается, в мире смертных прошло около месяца, тогда

⁵ «Белые Росы» – осенний сезон, сентябрь.

как в загробном мире – около двадцати минут.

«А я и не думал, что всё это происходит так быстро», – невольно удивился Господин-с-горы. Считалось, что от смерти до следующего перерождения могут пройти годы и даже столетия, а он смог вернуться через какой-то месяц. Похоже, для него действительно сделали исключение.

Над его головой назойливо жужжала муха. Господин-с-горы хотел поднять руку, чтобы её отогнать, но не смог. Он ясно ощутил, что рука двинулась, но почему-то не вверх, а в сторону. Зашуршали осенние листья.

«Этим новым телом ещё нужно научиться управлять», – подумал Господин-с-горы. После нескольких попыток он поднял руку к лицу и протёр невольно зажмурившиеся от солнца глаза. Что-то царапнуло веки. Господин-с-горы открыл глаза и увидел... нависшую над лицом лапу с когтями.

Он страшно вскрикнул, попытался вскочить, но вместо этого полетел кувырком, краем глаза уловив, как следом за ним взметнулись четыре поросших мехом лапы и облезлый, похожий на метлу хвост.

– Во что это я превратился? – взвизгнул Господин-с-горы.

Голос прозвучал странно, но ему было не до этого. Он прислушался: издали доносилось журчание ручья по камням. Господин-с-горы покатился на звук, путаясь в лапах и хвосте, и буквально ползком добрался до края воды. Осенняя вода была прозрачной и чистой, в ней отражались все краски смены сезонов: алые листья клёнов, жёлтая листва

дерева гинкго, зеленоватые пики хвойника...

С замирающим сердцем Господин-с-горы наклонился к воде. Из ручья на него смотрела... морда какого-то шелудивого лиса. Он переродился зверем! Только сейчас до него дошло, что под понижением ранга существа подразумевалось вовсе не наличие или отсутствие духовных сил, а вид существа, в которое он переродится! Два исполненных Вечным судией желания стоили ему не духовных сил, а человеческого обличья. Духовных сил, впрочем, у этого шелудивого лиса, каким он стал, тоже не было.

– И как же лисе стать даосом?!

Да, потому голос и звучал странно: это было лисье тьякание, но Господин-с-горы не был уверен, тьякает он по-лисий или на человеческом языке. Звуки в его восприятии складывались во вполне человеческие слова, да и мысли были связанные.

Господин-с-горы долго скулил над собственным отражением. Уж если и превращаться в лису, то почему она должна быть такой уродливой? Лисы, которых он видел в прежней жизни, хвастались красивой золотистой шубкой и невероятно пушистым хвостом, а лис, в которого он превратился, был шелудивый, облезлый, весь в каких-то колючках и струпьях – мерзость просто! Слабым утешением было, что это всё-таки лис, а не лиса.

Господин-с-горы, горестно вздыхая, поплёлся куда глаза глядят. На четырёх лапах он ходить не умел, а на двух зад-

них – не получалось, но он отличался упорством или даже упрямством и после нескольких часов попыток смог пойти на двух. Хвост, каким бы облезлым он ни был, путался в лапах и мешал идти по-человечески, так что Господин-с-горы то и дело спотыкался и падал ничком. Научиться управлять этим новым отростком тела было непросто: ему никак не удавалось заставить хвост торчать палкой вверх и не мешать ходьбе.

Он добрёл до какого-то пенька, взгромоздился на него, подпирая голову лапами, и принялся вздыхать и жаловаться на судьбу.

Крестьянин, собиравший в лесу хворост, услышал странные звуки, доносящиеся из-за деревьев, и пошёл взглянуть. Они походили на лисьё твяканье, но лисы никогда не выводили такие рулады. Он глянул и обмер: на пеньке сидела, обхватив голову передними лапами, лиса и явно причитала, хоть и на лисьём языке.

Крестьянин опрометью бросился бежать в деревню, крича на ходу:

– Оборотень! Оборотень! В лесу появился оборотень!

Перепуганные крестьяне вооружились палками, мотыгами и вообще чем придётся, взяли собак и устроили облаву.

Господин-с-горы почуял их задолго до того, как они появились на поляне. Это лисьё чутьё и врождённый страх перед людьми подняли его с пенька и погнали в лес.

– Смотрите! Оборотень! – вопили крестьяне, размахивая

палками. — Он и бежит по-человечьи. Ату его! Ату!

Господин-с-горы припустил в лес и, вероятно, ушёл бы от погони, поскольку выяснилось, что даже на двух лапах он бежит довольно быстро, но крестьяне спустили собак. Лисьи инстинкты заставили его упасть на четыре лапы и дать стрекача, как делают все лисы при виде собак. Те не отставали, сипло гавкали, клацали зубами, стараясь ухватить Господина-с-горы за многострадальный хвост. Одной шавке это удалось. Господин-с-горы взвыл и так дёрнулся, что часть хвоста осталась в собачьей пасти. Пока собаки отвлеклись на добычу, разрывая её в клочки и грызясь друг с другом, Господин-с-горы успел далеко удрать и даже пересечь два ручья, интуитивно понимая, что так можно сбить собак со следа. Одному небу известно, откуда он теперь всё это знал!

Он бежал опрометью, не оборачиваясь и не оглядываясь, и с размаху влетел в какую-то нору и забился в неё, клацая зубами от переполнявшего его страха и напрочь лишаясь всех мыслей, кроме одной: выжить.

[005] Господин-с-горы встречает Лиса-с-горы

Сколько времени прошло с тех пор, как он забился в нору, Господин-с-горы не знал. Время он отсчитывал по собственному сердцебиению, но сбился, поскольку лисьё сердце в его груди билось иначе, чем сердце человеческое. Вероятно, четверть суток. И его до сих пор не нашли. Он подумал, что крестьяне бросили его искать и вернулись в деревню, отозвав собак. А ещё подумал, что теперь нужно держаться подальше от людей. А между тем его начал терзать голод: бурчание в животе становилось всё злобнее. О том, чем лисы питаются, Господин-с-горы предпочитал не думать.

Снаружи зашуршали листья. Кто-то шёл по лесу, вернее, передвигался с поразительной скоростью. Господин-с-горы решил, что это какой-то даос: обычные люди были медлительны и нерасторопны, а походка бессмертных мастеров легко узнавалась, потому что была сродни порыву ветра. Шуршание листьев оборвалось как раз возле норы. Господин-с-горы замер и постарался задержать дыхание. Он лежал тихо-тихо, но злобное рычание в животе его выдавало. Листья зашуршали громче, послышался звук, похожий на тот, какой издают, принюхиваясь, потом — человеческая речь. Кто-то переговаривался у норы.

– Гэгэ⁶, – послышался женский голос, – что ты делаешь?

– В норе кто-то есть, – объяснил мужской голос.

Оба голоса звучали певуче, а тембр был необычен, и Господин-с-горы понял, что ошибся: люди так разговаривать не могли. Это были другие существа. Быть может, призраки или духи. Но он их понимал так же хорошо, как тех крестьян, что за ним охотились.

«Или я после перерождения способен понимать любую речь?» – подумал Господин-с-горы, забиваясь в нору ещё глубже.

– Давай разроем её? – предложила женщина, и в её голосе прозвучало плохо скрываемое оживление и жажда убийства.

– Отойди, – велел мужчина.

А потом что-то с такой силой выдернуло Господина-с-горы из его укрытия, что во все стороны полетели комья земли, а от норы осталась лишь развороченная земля. Господин-с-горы закачался в воздухе и не сразу сообразил, что вытащили его из норы за хвост – за то, что осталось от хвоста.

– Ба, да это лис! – удивился мужчина.

Господина-с-горы вздёрнули ещё выше, и он увидел прямо перед собой глаза молодого мужчины. Два миндалевидных прозрачных, как ещё не застывшая живица⁷, сияющих золотом глаза с вертикальными зрачками. Зрачки чуть расширились, сузились и снова расширились. Незнакомец при-

⁶ Гэгэ – старший брат(ец).

⁷ Живица – смолистое густое вещество, добываемое из хвойных деревьев.

глядывался к тому, что извлёк из норы.

К голове Господина-с-горы прилиwała кровь, а хвост немилосердно болел.

– Отпусти меня! – взвизгнул он.

Незнакомец удивлённо приподнял брови:

– Не понимаю, что ты там твякаешь... Ха-ха, я не понимаю этого лиса. Какую занятную штуку я нашёл!

– Фу, он шелудивый какой-то! Брось его! – брезгливо сказала женщина.

– Ха-ха, – отозвался мужчина, раскачивая Господина-с-горы за хвост, – я заберу его на Хулишань.

Услышав это, Господин-с-горы похолодел. Помимо горы Таошань, на которой жили бессмертные мастера, в этих краях была и близнец Персиковой горы – Хулишань, или Лисья гора. Люди обходили её стороной. Считалось, что на горе живут злые духи в обличье лис. Несколько раз на гору отправлялись шаманы – изгонять упомянутых злых духов, но ни один из них обратно не вернулся. Поползли слухи, и зловещую гору нарекли проклятым местом.

Приглядевшись, хоть это было и сложно сделать в его положении, Господин-с-горы смог убедиться, что слухи о горе Хулишань были вовсе не слухами. Молодой мужчина с жёлтыми глазами, вытащивший его за хвост из норы, человеком быть не мог. Выдавали его не только вертикальные зрачки, но и уши, торчавшие среди огненно-рыжих волос – настоящие лисьи уши! Пара человеческих ушей тоже была. А ещё

хвост, тоже лисий, и очень острые ногти на пальцах рук. Всё прочее было человеческим и облачено в щеголеватое одеяние цвета увядшей травы, что необыкновенно шло к цвету его волос.

«Это лис-оборотень», – понял Господин-с-горы.

Женский голос принадлежал тощей девчонке непритязательного вида, уши и хвост у неё тоже были, но не такие роскошные, как у мужчины.

– Гэгэ, – заныла девчонка, – вечно ты тащишь домой всякую дрянь!

– Полегче, – проворчал Господин-с-горы, – на себя посмотри!

– Не понимаю, что он говорит, – сказал Лис-с-горы, – но он явно тебя обругал.

Девчонка скорчила презрительную мину:

– Почему мы его не понимаем? Это ведь лисье наречие?

– Не совсем. Я ведь способен понять любое лисье тьявканье, будь та лиса даже с другого конца Поднебесной. А этот как-то по-особому тьякает. Или это какой-то неизвестный вид лисы...

– Или он просто недоумок и тьякать нормально не умеет, – сказала девчонка.

– Там видно будет, – сказал Лис-с-горы, вертя Господина-с-горы перед лицом, чтобы разглядеть со всех сторон. – У него полхвоста нет, от него разит псиной. Видимо, смертные затравили его собаками.

– Куцехвост, – процедила девчонка самодовольно.

Лис-с-горы кивнул:

– Так и будем его называть. Когда выучится таявать, спросим его настоящее имя... Хм, а вот интересно, понимает ли он нас?

Господин-с-горы понимал, и тем унизительнее было то положение, в котором он оказался.

[006] В Лисьем дворце

Дела обстояли ещё сквернее, чем полагал Господин-с-горы.

Всю дорогу до горы Хулишань он пребывал в унижительном положении: Лис-с-горы, по-прежнему держа добычу за хвост, перекинул её через плечо, и Господин-с-горы, больно ударяясь носом в твёрдую, будто каменную спину, визгливо ругался. Лис-с-горы только прислушивался и изредка фыркал. Лапы и хвост у бедного пленника затекли и превратились в деревяшки, а перед глазами мельтешили звёздочки. Лис-с-горы передвигался так быстро, что Господину-с-горы не удавалось запомнить дорогу: всё представлялось разноцветными пятнами.

Гору Хулишань Господин-с-горы видел издалека, вернее, с вершины горы даосов. Она не казалась особенно зловещей, но всегда была окружена густым туманом, не позволявшим увидеть её склоны. Теперь, висая за спиной Лиса-с-горы, Господин-с-горы смог убедиться, что это всего лишь наведённый лисами морок: вблизи гора ничем не отличалась от Таошань. Туман был, но не гуще, чем любой другой осенний туман в утренний час. Колдовства в нём не чувствовалось, только сырость. Господин-с-горы чихнул.

– А если он чумной? – проворчала девчонка. – А если у него бешенство? А если это заразно?

Лис-с-горы только фыркнул.

Наконец-то они остановились!

Склон горы прорезала каменная лестница с бесчисленными ступенями и ровными рядами высоких арок-ворот, выкрашенных красным и обвязанных верёвочными талисманами с узкими полосками бумаги, какие бывают в святилищах. Очень странно видеть такие на горе, считавшейся проклятой. Господин-с-горы подумал, что талисманы могли развешать пропавшие шаманы. Но как тогда оборотни восходят на гору? Разве талисманы не должны преграждать им путь? А ритуальные ворота? Или лисы-оборотни захватили какой-нибудь заброшенный храм?

Додумать до конца не удалось: Лис-с-горы начал подниматься по лестнице, а Господин-с-горы – опять ударяться носом в его спину и повизгивать от боли. На талисманы Лис-с-горы не обратил ровным счётом никакого внимания. Господин-с-горы, у которого помимо воспоминаний сохранилось и чутье даоса, не ощутил в них магии: и ворота, и талисманы оказались пустышкой. Или и это наведённый лисами морок?

Наконец Лис-с-горы поднялся на вершину. Господин-с-горы почуял лисий дух (обоняние у него теперь было необыкновенно острое), но ничего другого приметить не успел, потому что воткнулся мордой в землю – с лёгкой руки Лиса-с-горы.

Воздух наполнили голоса:

– Гэгэ!

– Шисюн!

– Господин!

Господин-с-горы поднял голову и увидел, что Лиса-с-горы обступили лисы и лисы-оборотни. Их было не меньше сотни. То, что они говорили или таякали, Господин-с-горы понимал. Он поднял голову ещё выше и из-за вереницы ног, лап и хвостов увидел дворцовую крышу. На вершине горы был храм или дворец, который мог сравниться размером с дворцом императора. Роскошное логовище для лиса! При-
сутствия злых духов Господин-с-горы не ощущал, хотя, вероятно, ему просто мешала лисья аура.

Лис-с-горы перекинулся с остальными несколькими словами, нагнулся, ухватил Господина-с-горы за хвост и поднял с земли. В столь унижительном и неудобном положении Господин-с-горы и был внесён внутрь, но роскошными видами Лисьего дворца насладиться не довелось: Лис-с-горы принёс его в грязноватую прачечную, где что-то клокотало, шипело и булькало, и отдал слугам.

– Отмойте его, – велел Лис-с-горы и ушёл.

Слуги брезгливо оглядели Господина-с-горы, но приказ исполнили с точностью и усердием: они сунули Господина-с-горы в кадушку и стали поливать кипятком. Он верещал во весь голос, пытался выбраться из воды, но слуги ловко водворяли его обратно и не отпускали, пока не отмыли. После его привязали к жерди и долго сушили над огнём. Он верещал громче прежнего, боясь, что попросту поджарится.

Когда шерсть просохла, один из слуг вооружился иголкой с ниткой и зашил Господину-с-горы разорванный хвост. В общем, когда Господина-с-горы вытолкнули из прачечной во двор, вид он имел вполне благопристойный... для лиса.

Господин-с-горы поглядел на своё отражение в какой-то луже и с облегчением понял, что его струпья были всего лишь грязью. Теперь шерсть распушилась, и он выглядел ничуть не хуже прочих лис. Не считая хвоста, который был оборван едва ли не наполовину! Впрочем, теперешняя длина хвоста не мешала ему ходить на двух лапах. Он встал на задние лапы и побрёл наугад по дворам и коридорам. Лисы, которые ему встречались, тоже ходили на задних лапах, но не так, как он: они прыгали, а он – шагал. Со стороны, должно быть, смотрелось странно, поскольку лисы от него шаркались.

Он добрёл до просторного павильона, откуда доносился шум-гам, и заглянул внутрь. Лисы устроили пирушку в честь возвращения своего господина. То, что Лис-с-горы у них главный, Господин-с-горы понял сразу: другие были и одеты попроще, и вели себя поскромнее. Лис-с-горы развалился на деревянном троне, украшенном шёлковыми лентами и цветущими ветками сливы и персика, и скучаяще потягивал вино из фарфорового сосуда. Господин-с-горы не слишком хорошо разбирался в оборотнях, но по ауре мог судить, что Лису-с-горы не одна сотня лет. Увидев его, Лис-с-горы оживился.

– Эй, – сказал он, – к нам присоединился новый товарищ.

Лисы-оборотни бросили пить и как по команде обернулись и посмотрели на Господина-с-горы. Тот почувствовал себя неуютно. Горящие огоньки синего, жёлтого, зелёного и белого света будто прожигали его насквозь.

– Если обычная лиса научилась ходить на задних лапах, – продолжал между тем Лис-с-горы, – то она вступила на путь оборотня. Если станешь лисой-даосом, то сможешь однажды превратиться в таких, как они. – И Лис-с-горы кивнул на лис-оборотней. – Я не понимаю твоего тьяканья, но уверен, что ты понимаешь мою речь. Ты останешься на горе Хулишань и будешь практиковать Дао Лисы. Быть может, однажды ты научишься говорить и скажешь мне своё имя, а куда мы будем звать тебя Куцехвостом. Эй, Недопёсок! Иди сюда!

Откуда-то вышмыгнула тощая чернобурка, подскакала на задних лапах к центру зала и сделала вычурный поклон Лису-с-горы.

– Дай ему дом и работу, – велел Лис-с-горы. – Приглядишь за ним.

Чернобурка смерила Господина-с-горы оценивающим взглядом и тьякнула:

– Иди за мной.

Господин-с-горы пошёл следом за ней. Глаза Лиса-с-горы вспыхнули интересом: ни одна лиса на горе Хулишань не умела шагать, будучи в лисьем обличье.

[007] Господин-с-горы постигает Дао Лисы

Выбора у Господина-с-горы не было. По здравом размышлении он рассудил, что ему лучше остаться на Лисьей горе и стать лисой-даосом: духовные силы вернутся, он сможет превратиться в человекоподобного лиса, а главное – здесь нет людей с собаками. Если он будет усердно трудиться, постигая Дао Лисы, то за полсотни лет сможет вернуть себе хотя бы половину былой мощи. Он никогда не медитировал и не тренировался в прошлой жизни, поскольку обладал высоким уровнем духовных сил уже с рождения, но база теоретических знаний о культивации у него была впечатляющая: он ведь только и делал, что читал книги, в то время как с остальных сходило семь потов на тренировках.

Недопёсок показал ему, где он будет жить и трудиться. Для человека – тесновато, но для лиса – это просторные покои.

Господин-с-горы должен был каждое утро мести двор возле своего нового дома и поливать персиковое дерево, растущее посредине двора, – такие обязанности были на него возложены в лисьей общине. Справляться с этим было нетрудно. Господин-с-горы обнаружил, что у него, в отличие от прочих лис, очень гибкие пальцы на передних лапах, хоть и

когтистые, так что он без труда брал в лапы даже мелкие вещицы, а уж держать метлу или лейку и подавно мог.

Всё остальное время он проводил в медитации, потому не замечал, что Лис-с-горы иногда появляется у его дворика и следит за ним с лёгкой озадаченностью во взгляде.

Лису-с-горы, разумеется, доложили, что Куцехвост ест палочками и даже стащил из кладовой кисть и тушь и что-то малюет на осенних листьях. Никто из лис на Хулишань, ещё не обретших человеческое обличье, ни писать, ни читать не умел.

Лису-с-горы принесли несколько листков, исписанных Куцехвостом. Его узкие глаза на мгновение сделались широкими, вспыхнул и пропал беловатый огонёк в глубине зрачков.

– Куанцао⁸... – пробормотал он себе под нос. – Откуда лесной лисе знать изысканный стиль письма?

Он смял осенние листья в кулаке и пошёл к дому Господина-с-горы. Тот уже справился с возложенными на него обязанностями и теперь торопливо мазал кистью по осеннему листку, чтобы записать пришедшее ему на ум стихотворение.

– Хм, – удивился Лис-с-горы.

Господин-с-горы выронил кисть и подскочил на месте от неожиданности: он так увлёкся стихотворением, что даже не заметил вошедшего.

⁸ Куанцао – «дикая скоропись», стиль письма.

Лис-с-горы небрежно бросил на стол смятые осенние листья, поглядел на ещё не высохшие строки на кленовом листе и фыркнул:

– Лесная лиса не только умеет писать, но ещё и сочиняет стихи. Какая прелесть!.. Тявкать ты не умеешь. Так, может, напишешь то, что я хочу знать? Как твоё имя? Откуда ты взялся в моих лесах? Кто ты или что ты? Ты ведь понимаешь мою речь.

Господин-с-горы подумал, что правду говорить не стоит. Если лисы-оборотни узнают, что он переродившийся даос – их смертельный враг! – то они его разорвут на клочки и сожрут. Лучше всего притвориться недоумком и на все вопросы отвечать: «Не знаю». Так он и сделал: «Не знаю. Не помню». Лис-с-горы покусал коготь на указательном пальце, разглядывая написанные ответы.

– Не помнишь? – уточнил он, скептически фыркнув. – Не помнишь элементарных вещей, но помнишь, как писать на куанцао?

Господин-с-горы изобразил на морде крайнее удивление.

– Или ты даже не понимаешь, что пишешь на куанцао... – пробормотал Лис-с-горы.

Господин-с-горы продолжал строить из себя недоумка.

Лис-с-горы вздохнул:

– Ладно, продолжай постигать Дао Лисы. Посмотрим, что из тебя получится. Не забывай поливать своё персиковое дерево. Когда придёт время, ты узнаешь, для чего оно нужно.

Господин-с-горы поглядел на растущее во дворе персиковое дерево. Выходит, у каждой лисы на Хулишань есть собственное дерево?

Лис-с-горы приостановился у дерева ненадолго, разглядывая листву и ветви, и заметил:

– Ты хорошо за ним ухаживаешь. Быть может, оно расцветёт.

Если бы у Господина-с-горы остались духовные силы, он мог бы заставить дерево зацвести, всего лишь прищёлкнув пальцами. Теперь об этом не стоило и мечтать.

Ничего не оставалось, как продолжать постигать Дао Лисы. Господин-с-горы медитировал как одержимый, прерываясь, лишь чтобы полить персиковое дерево и что-нибудь съесть. Лисья еда ему не нравилась: это всегда были потроха и какие-то травки-муравки. Если с травками-муравками ещё можно было смириться, то с потрохами... Он не мог есть их сырыми, как полагается лисам. Он варил их вместе с травками-муравками и так ел. Смутно он понимал, что именно сырые потроха должны способствовать лисьей культивации, но пересилить себя не смог.

О том, что Куцехвост варит потроха, Лису-с-горы тоже донесли.

– Похоже, Куцехвост решил культивировать сразу в горного духа, – ядовито заметил он.

Апогеем лисьей культивации было становление лисы горным духом. Ни одна лиса на Хулишань ещё горным духом не

стала. Лису-с-горы было любопытно, получится ли у Куцехвоста, поэтому он велел лисам не вмешиваться: если хочет варить потроха, пусть варит.

[008] Господин-с-горы узнаёт Лиса-с-горы

Господин-с-горы жил на горе Хулишань уже около месяца. Тявкать на понятном языке он так и не выучился, с другими лисами ему приходилось общаться жестами.

Лисы его недолюбливали. Господин-с-горы уже имел неплохую культивационную базу и сформировал зачаток Лисьего пламени⁹ внутри себя.

– Самое время отращивать второй хвост, – сказал ему Недопёсок.

У большинства лис-слуг было по два хвоста. Лисы-оборотни могли похвастаться тремя. У Лиса-с-горы почему-то был всего один, пусть и роскошный. Господин-с-горы гадал, отчего так. Он мог определить, что Лис-с-горы – самый могущественный среди живущих на Хулишань оборотней. Дао Лисы гласило: чем выше культивационный уровень лисы, тем больше у неё хвостов. Господин-с-горы со своим огрызком хвоста был в самом низу культивационной цепи!

В Лисьем дворце было необыкновенно шумно в тот день. Господин-с-горы не удержался от любопытства и заглянул

⁹ Лисье пламя – аналог Золотого ядра у лис. Золотое ядро – результат долгого и упорного совершенствования тела и духа, формируется из определённого количества светлой энергии.

внутри. Лисы таявали на все лады, и он разобрал, что Лис-с-горы хочет спуститься с горы к людям. Лисы хором не одобряли.

Тощая девчонка-лиса особенно кипятилась:

– Опять гэгэ собирается к своему человеку! Всё ещё надеется, что дождётся его! А человек и думать про него забыл!

– Я тебе хвост откушу, если будешь о нём дурно отзываться, – спокойно пообещал Лис-с-горы. Всеобщее неодобрение его, кажется, нисколько не волновало.

«Интересно, – подумал Господин-с-горы, – так у него человек в друзьях?»

История знавала примеры, когда лисы и люди вступали в контакт, но обычно это скверно заканчивалось для людей. В лучшем случае они оставались обманутыми, в худшем – съеденными. Дао Лисы гласило, что человеческие потроха – верное средство для улучшения культивационной лисьей базы. Быть может, Лис-с-горы втёрся в доверие к человеку, чтобы съесть его печень?

Спасти человека, если дела обстояли так, как он полагал, Господин-с-горы не мог. Обычным, не превращённым лисам покидать Хулишань было запрещено, да у него бы и не хватило сил спуститься по той бесконечной лестнице, разве только кувыркком, но рисковать жизнью Господин-с-горы не хотел: где уверенность, что если он распрощается с жизнью, то ему снова удастся переродиться на таких выгодных условиях? В нынешнем обличье он уже освоился, дело продвига-

лось, шансы были весьма неплохие.

Лис-с-горы сунул руку за пазуху и вытащил оттуда ветку персикового дерева. Господин-с-горы наострил уши, каким-то невероятным образом поняв, что сейчас произойдёт что-то из ряда вон выходящее и что нельзя это пропустить. Персиковая ветка наверняка была сломана давно: место сломы высохло и почернело, — но листья и соцветия на ней были свежие и ароматные, будто её сорвали только что и она не успела увянуть. Лис-с-горы хорошенько оглядел ветку со всех сторон, обнюхивая соцветия одно за другим, вытянул руку вперёд и подкинул персиковую ветку вверх. Ветка описала в воздухе дугу, но не упала, а сделала полный круг, нарисовав невидимую окружность. Лис-с-горы шагнул через неё и... стал другим.

Из лиса-оборотня он стал человеком. У молодого мужчины, в которого он превратился, были тёмные волосы, едва заметно отливающие рыжиной, и карие глаза с ореховыми искрами. Хвост и уши пропали. Щеголеватое одеяние превратилось в обычную, цвета талого снега одежду.

Господин-с-горы застыл с раскрытым ртом. И дело было вовсе не в том, что он поразился превращению лиса-оборотня в человека. Хотя он никогда этого не видел, но возможность превращения воспринималась как само собой разумеющееся: это же лисы-оборотни. Дело было даже не в том, что он раскрыл секрет персикового дерева: у каждой лисы было своё собственное, чтобы она однажды смогла срезать с него

ветку и превратиться в человека. Нет, дело было совсем в другом.

Господин-с-горы узнал Лиса-с-горы. Вернее будет сказать: Господин-с-горы знал Лиса-с-горы. В прошлой жизни, ещё до перерождения.

[009] Господин-с-горы притворяется кем-то ещё

Жизнь на Таошань была смертельно скучной на самом-то деле. Даосы безвылазно сидели на горе, спускались к людям лишь по большим праздникам, чтобы принять участие в шествии.

Господину-с-горы нравился посёлок. Однажды он спустился с горы сам, чтобы совершить прогулку, но тут же понял, что это плохая идея. Его окружили люди, забросали просьбами о помощи: нарисовать талисман, научить оберегам... Отделаться от них он не мог. Сделать то, что ему хотелось – купить засахаренных ягод и съесть во время прогулки, – тоже: ему бы пришлось снимать или приподнимать маску, а своего лица людям он показывать не хотел. В общем, первая вылазка к людям оказалась полным провалом.

Господин-с-горы вернулся на Таошань и какое-то время пребывал в унылой задумчивости. Потом ему пришло в голову: если он притворится кем-то ещё, люди не станут его донимать, и он сможет насладиться прогулкой. Господин-с-горы отложил маску, снял с себя золочёное одеяние и переделся в обычную одежду. Такая могла принадлежать сыну одной из зажиточных семей: одеяние простого покроя, широкий пояс, высокие сапоги, всё тёмно-синего цвета. Волосы

Господин-с-горы завязал на затылке узлом. Поглядев в зеркальце, он остался доволен собой. Он стал неузнаваем. Конечно, его могла выдать аура, но кто из жителей посёлка способен её увидеть? Они ведь были обычными людьми.

Господин-с-горы сунул за пазуху увесистый кошелёк и спустился с горы в посёлок. Первые шаги он делал осторожно, но скоро убедился, что особого внимания на него никто не обращает. Для них он был ещё одним человеком, решившим поутру побаловать себя засахаренными ягодами и неспешной прогулкой по рынку.

Утомившись, он зашёл в чайную. Сидя за столом на веранде второго этажа, Господин-с-горы пил чай и разглядывал улицу. Люди сновали туда-сюда, занятые своими делами. Господин-с-горы смотрел и слушал.

Люди много сплетничали, оказываясь в чайной. В основном о Господине-с-горы. Он слушал их домыслы и едва заметно улыбался. Да, хорошо, что он никогда не открывал лица на людях! Теперь он мог спокойно наслаждаться вылазками с Таошань.

Раз его звали в игорный дом. Он с удивлением увидел, что здесь играют не только в кости, но и в шахматы. Он пожелал сыграть партию, но она показалась ему скучной: Господин-с-горы так хорошо играл, что достойных противников не нашлось. Тогда он просто решил понаблюдать за людьми.

Возле стола, где играли в бамбуковые стаканы, было особенно много зевак.

Господин-с-горы подозвал слугу и спросил:

– Почему там толпятся люди?

– Опять он пришёл, – не слишком приветливо отозвался слуга. – Молодчик, который никогда не проигрывает в бамбуковые стаканы.

– Разве такое возможно? – удивился Господин-с-горы.

Суть игры заключалась в том, что под один из бамбуковых стаканов прятали игральную кость или другую мелкую вещь и перемешивали стаканы очень быстро, уследить было совершенно невозможно. Игрок должен был угадать, в каком бамбуковом стакане спрятана игральная кость. Чтобы уследить за нужным стаканом, нужно быть очень внимательным или... мошенником. Господин-с-горы подумал, что легко нашёл бы игральную кость, воспользовавшись духовными силами.

– Пожалуй, – задумчиво проговорил он, – пойду и я взгляну.

[010] Достойный противник

Господин-с-горы подошёл к игорному столу, чтобы взглянуть на упомянутого слугой «молодчика, который никогда не проигрывает».

Игра была в самом разгаре. Слуга передвигал по столу бамбуковые стаканы с немыслимой быстротой, руки его так и мелькали. Люди шумели и делали ставки.

Игрок, на которого все смотрели разинув рот, был молодой мужчина в щеголеватой одежде тёмно-зелёного цвета. У него были быстрые карие глаза и тёмные волосы, отливающие рыжиной. Господин-с-горы воспользовался духовными силами, чтобы проверить его. Нет, не даос, обычный человек, и никаких подозрительных артефактов, кроме веера, при себе не имеет. Глаза его двигались очень быстро, как у кошки, которая следит за мельтешащими по земле муравьями. Да, с такой быстротой реакции он мог бы уследить за стаканом.

– Здесь, – сказал игрок, указывая пальцем на бамбуковый стакан. Голос у него был низкий и мелодичный.

Слуга поднял стакан, и зеваки издали вопль восхищения. Игральная кость была там! К выигрышу мужчина отнёсся спокойно, даже равнодушно. Казалось, он терял интерес к происходящему, когда стаканы останавливались.

Господин-с-горы положил на стол монету. Глаза незна-

комца тут же оказались на нём, и Господин-с-горы невольно поёжился. Взгляд был цепкий, на грани неприличия: разглядывать незнакомых людей так пристально было верхом бесстыдства.

– Пожалуй, сыграю, – сказал Господин-с-горы слуге.

– Эй, только зря деньги потратишь, – заметил кто-то из зевак. – У него невозможно выиграть.

– В мире нет ничего невозможного, – спокойно возразил Господин-с-горы и сел за стол, напротив незнакомца в зелёном.

Тот широко улыбнулся и сделал приглашающий жест, будто уступая право первого хода. Господин-с-горы решил чуть-чуть сжульничать для пользы дела. В быстроте своей реакции он был уверен, но всё-таки подстраховался, позволяя толике духовных сил просочиться и следить вместе со зрением за стаканами. Так он чувствовал ауру предметов и отыскивал бы игральную кость, даже если бы сбился со счёта.

Слуга закинул игральную кость в стакан, опрокинул его на стол... Глаза Господина-с-горы двигались так же быстро, как и глаза незнакомца. Слуга остановился, выстроил стаканы ровным рядом.

Господин-с-горы протянул руку и дотронулся до левого стакана:

– Здесь.

Незнакомец одновременно с ним дотронулся до этого же самого стакана. Пальцы их невольно соприкоснулись. Гос-

подин-с-горы поспешил отвести руку. Касаться других людей, будь то даосы или обычные люди, он не любил. Но этого секундного прикосновения хватило, чтобы понять: он не ошибся, у незнакомца нет духовных сил. Ауры как таковой тоже. Господин-с-горы счёл это странным, но тут же забыл об этом: слуга поднял стакан, игральная кость была под ним. Зеваки раскричались ещё громче.

Незнакомец кинул на стол ещё несколько монет. Господин-с-горы сделал то же самое. Он не был азартен, но был любопытен. Ему хотелось понять, как незнакомец угадывает. Они сыграли ещё несколько раз, но Господин-с-горы так ничего и не понял. Были раунды, когда незнакомец даже не следил за стаканами, но всё равно угадывал верно.

– Мне прискучило, – сказал незнакомец. – Давай сыграем во что-нибудь ещё?

Он обратился к Господину-с-горы так, будто они были давно знакомы.

– В шахматы? – предложил Господин-с-горы.

В глубине зрачков незнакомца загорелся и тут же пропал огонёк.

– Я очень хорошо играю в шахматы, – предупредил он, ухмыльнувшись.

Он нисколько не преувеличивал. Они провели за шахматной партией несколько часов. Господин-с-горы хоть и выиграл, но победа далась ему нелегко. Он испытал необыкновенный подъём сил, осознав это: наконец-то нашёлся достой-

ный противник!

[011] Господин-с-горы говорит о Господине-с-горы

– Я бы хотел слышать твоё имя.

– Разве первым не представляется тот, кто спрашивает? – возразил Господин-с-горы. – Сначала назови себя.

– Я бы предпочёл первым слышать твоё, – настаивал незнакомец.

Господин-с-горы тянул время с умыслом. Спускаясь с горы, он не предполагал, что придётся кому-то представляться. Он попросту не придумал себе имени. Вопрос незнакомца застал его врасплох и едва ли не заставил паниковать. Не мог же Господин-с-горы назвать ему своё настоящее имя?

– У Мин, – наконец произнёс Господин-с-горы.

Незнакомец фыркнул:

– «Без имени»?

– «Без света», – возразил Господин-с-горы.

– В этом посёлке нет семьи У, – проговорил незнакомец, глядя в сторону.

– Я не отсюда. Представься ты.

– Ху Вэй.

– «Красивое озеро»?

– «Лисий хвост»¹⁰.

¹⁰ Китайский язык омонимичен, одинаково звучащие слова могут иметь разные

– В этом посёлке нет семьи Ху, – парировал Господин-с-горы.

– Я не отсюда. Прослышал про праздник и пришёл взглянуть, – объяснил Ху Вэй на тот же манер. – Хочу проверить, правдивы ли слухи.

– Какие слухи?

– О человеке с этой горы... Таошань, кажется?

Господин-с-горы кивнул.

– Ходят слухи, что один из даосов настолько красив, что можно ослепнуть, просто взглянув на него, – сказал Ху Вэй, расставляя шахматные фигуры.

– Думаю, это преувеличение, – с лёгким удивлением заметил Господин-с-горы. Похоже, по ту сторону гор слухи были преувеличены в разы.

– Поэтому я пришёл в посёлок и дожидаясь начала праздника. Даосы ведь каждый праздник спускаются с горы? Интересно будет посмотреть на этого Господина-с-горы.

– Полагаю, это тебе не удастся.

– Почему?

– Он всегда носит маску, никто не видел его лица. Поэтому ходят слухи о его красоте или уродстве. Никто точно не знает, как он выглядит.

Ху Вэй казался озадаченным:

значения. Поэтому иногда нужно пояснять значение иероглифа. Ху Вэй – #hú #wěi – «лисий хвост» / #hú #wěi – «красивое озеро». У Мин – #wú #míng – «без имени» / #wú #míng – «без света».

– Никогда не снимает маску?

Господин-с-горы кивнул.

– Станный обычай, – удивился Ху Вэй. – И что, все даосы носят маски не снимая?

– Остальные будут без масок.

– Зачем мне остальные, когда я пришёл поглядеть на Господина-с-горы? – с досадой сказал Ху Вэй. – Неужели придётся возвращаться ни с чем? Никогда-никогда не снимает маску?

– Никогда-никогда, – подтвердил Господин-с-горы.

Ху Вэй издал пренебрежительный звук и поглядел куда-то в сторону. Глаза его подёрнулись дымкой задумчивости, потом вспыхнули оживлением, как это всегда бывает, если находится правильный ответ или верное решение. У Господина-с-горы отчего-то по позвоночнику пробежала дрожь. Он удивлённо прислушался к себе, но так и не понял, что это было.

Ху Вэй перевёл разговор:

– Чем занимается твоя семья?

Господин-с-горы сделал вид, что не расслышал, занятый шахматными фигурками на своей половине доски. Он и имя-то с таким трудом выдумал, а теперь ещё и это! И зачем спрашивать у случайного знакомого такие подробности? Но Ху Вэй не отставал и повторил вопрос. Господину-с-горы пришлось напрячь мозг и выдавить из себя невнятный ответ:

– Книжная лавка в столице.

Ху Вэй высоко приподнял брови:

– И как же тебя занесло в такую глушь? Неужели слухи о Господине-с-горы дошли и до столицы?

Господин-с-горы никогда не был в столице, но предполагал, что там наверняка может оказаться и семья по фамилии У, у которой есть загулявший неизвестно где сын. И он понятия не имел, слышали ли в столице о горе Таошань.

– Я просто странствую.

Ху Вэй окинул его быстрым, но цепким взглядом и неопределённо хмыкнул:

– Судя по всему, исключительно в паланкине? У твоей семьи, видно, денег куры не клюют?

Господин-с-горы помолчал, размышляя над словами нового знакомого. Вероятно, внешний вид Господина-с-горы вызвал у Ху Вэя подозрения по поводу правдивости его слов: одежда с иголки вряд ли водится у странников.

Господин-с-горы опять сделал над собой усилие и сказал:

– У меня слабое здоровье. Я редко хожу пешком.

– И всё же отправился странствовать? – сощурился Ху Вэй.

– Я хочу поглядеть мир. Но ты ещё ни слова не сказал о том, чем занимается твоя семья.

– Ты не спрашивал, – ухмыльнулся Ху Вэй.

– Теперь спрашиваю.

Ху Вэй поднял с шахматной доски пешку, подкинул её несколько раз в воздух, ловко поймал и поставил обратно на

доску.

– Ещё партию?

На вопрос он так и не ответил.

[012] Господин-с-горы осквернён

Всю неделю до праздника Господин-с-горы спускался в посёлок, где поджидал его Ху Вэй, и они играли в шахматы или разговаривали за чашкой чая. Пожалуй, впервые в жизни у Господина-с-горы появился друг.

– На праздник придёшь? – спросил Ху Вэй накануне праздника.

– У меня дела. Вряд ли смогу. Встретимся в чайной после, если ты ещё будешь здесь.

– Конечно, буду, – со смехом сказал Ху Вэй. – Должен же я перед тобой похвастаться тем, что никому другому не удавалось?

– То есть? – не понял Господин-с-горы.

– Я увижу лицо Господина-с-горы, – уверенно объявил Ху Вэй.

Господин-с-горы потребовал объяснений, но Ху Вэй ничего не пожелал объяснять и только загадочно улыбался.

В день праздника даосы спустились с горы, чтобы принять участие в праздничной процессии. Место для них отводили почётное, на медленно движущейся повозке-платформе. Господин-с-горы потребовал, чтобы над ним держали зонт: день был необыкновенно солнечный, ему не хотелось заработать головную боль. У его сотоварищей это вызвало презрительные усмешки, но жители посёлка тут же отрядили

слугу и велели ему держать зонт над бессмертным мастером. Тот почёл это за великую честь и стоял с напыщенным видом.

Повозка-платформа выехала на центральную улицу посёлка. По обе стороны дороги стояли люди, местные и пришлые, бросали на дорогу цветочные лепестки и лоскуты подкрашенной бумаги, трещотками отгоняли злых духов и задабривали добрых, плеская вино в пыль.

Господину-с-горы праздник показался скучным. Прежде ему нравилось разглядывать людей и улицы, мимо которых проезжала повозка-платформа, и в этом он находил некоторое увеселение. Сейчас он предпочёл бы оказаться в прохладной чайной, где за шахматной партией можно насладиться увлекательной беседой с его новообретённым другом, Ху Вэем. Он машинально искал его глазами в толпе, но не находил. Быть может, Ху Вэй решил посмотреть на праздник с веранды чайной.

Молниеносное движение в воздухе, и на повозку запрыгнул человек, нижняя половина лица которого была завязана тёмной тканью. Так закрывали лица грабители или убийцы. Человек оказался как раз напротив Господина-с-горы, тот невольно попятился.

Это был Ху Вэй, Господин-с-горы сразу его признал, но выдать себя не мог. По толпе прокатилось смятение, кто-то закричал, что Господина-с-горы хотят убить, к повозке-платформе начали продираться солдаты магистрата. Господин-с-

горы точно знал, что Ху Вэй убивать его не собирается: аура у него была спокойная, тогда как жажда убийства искажает её до неузнаваемости.

Ху Вэй выкинул вперёд руку, его пальцы ухватились за маску Господина-с-горы. Тот перехватил руку Ху Вэя за запястье, моментально сообразив, что Ху Вэй хочет сдёрнуть с него маску, чтобы посмотреть на его лицо. Незаметное со стороны противостояние длилось с полминуты. Раздался треск. Фарфоровая маска треснула, отвалились два куска, приоткрывая угол рта и левое надбровье.

Солдаты магистрата уже запрыгивали на повозку. Ху Вэй выдернул руку, перескочил с повозки на крышу одной из лавок, и копыта солдат воткнулись в пустое место. В следующую секунду Ху Вэй исчез. Вероятно, он быстро перепрыгнул с одной крыши на другую, но люди развопились, что это был злой дух.

Господин-с-горы вынужден был надеть шляпу с вуалью. Сломанная маска едва держалась на лице и в любую минуту готова была упасть.

Когда праздник закончился и все вернулись на гору, Господин-с-горы долго размышлял, возвращаться ли ему в посёлок, как он обещал Ху Вэю. Вряд ли тому удалось его узнать: маска, по счастью, сломалась в относительно безопасном месте. Господин-с-горы приложил её к лицу и поглядел на себя в зеркало. Нет, так ничего не поймёшь, под маской может быть какое угодно лицо. Он отложил маску и

переоделся в походное синее одеяние.

В посёлке всё ещё было шумно, люди судачили о происшествии на празднике. Солдаты магистрата прочесали всё вокруг, но никого подозрительного не нашли, и люди ещё больше уверились, что это были злые духи. Господин-с-горы не без труда продрался сквозь толпу к чайной.

Ху Вэй замахал ему с веранды. Господин-с-горы поднялся, сел на привычное место. То, что Ху Вэй вёл себя как обычно, лишь подтвердило его предположения о том, что он ничего не понял.

– Ты многое пропустил, – объявил Ху Вэй.

– Я слышал, – кивнул Господин-с-горы. – Значит, ты хотел убить Господина-с-горы?

– Пф, – раздражённо фыркнул Ху Вэй, – эти людишки болтают невесть что! Я просто хотел увидеть его лицо. И мне это почти удалось!

– А... – неопределённо протянул Господин-с-горы, наливая себе чаю.

– И вовсе он не такой красивый, как о нём болтают, – сказал Ху Вэй. – Знаешь, ты на него немного похож.

Господин-с-горы почувствовал, что чай встал в горле комом, но смог-таки его проглотить.

– Линия бровей и губ... Но ты гораздо красивее его, – продолжал Ху Вэй.

– Правда? – машинально спросил Господин-с-горы. Не каждый день тебе говорят, что ты красивее... себя самого.

– Правда.

Господин-с-горы не успел отреагировать, поскольку ничего подобного не ожидал. Ху Вэй наклонился вперёд и... Господин-с-горы опешил на миг от внезапной боли, но тут же опомнился и с силой оттолкнул Ху Вэя от себя. Тот свалился навзничь, опрокинув чайный столик.

Господин-с-горы был вне себя: его осквернили! Глаза его вспыхнули белым светом, духовные силы выплеснулись наружу, разошлись вокруг волной. Со всех сторон слышались глухие удары падающих на землю тел. Ху Вэй бросил взгляд с веранды вниз, на улицу. Люди лежали вповалку без чувств. На веранде свалился принёсший чай слуга, ткнулись носом в столы посетители. Даже птицы попадали с крыш. Во всём посёлке остались в сознании только Господин-с-горы и Ху Вэй.

Господин-с-горы обратился белой молнией и вылетел с веранды, устремившись к горе Таошань. Ху Вэй поглядел ему вслед, но в глазах его удивления было меньше, чем можно было ожидать.

Люди на улице начали шевелиться, охать и подниматься.

Слуга сел, поглядел на разбитый чайник и воскликнул:

– Опять!

– Что это было? – поинтересовался Ху Вэй.

– Кто-то из бессмертных с Таошань вышел из себя.

Господин-с-горы, вернувшись на Таошань, заперся в своих покоях, не слушая упрёков остальных, – вспышка была

настолько сильна, что настигла и обитателей горы. Нужно было срочно проверить себя на Скверну. Он положил пальцы левой руки на запястье правой, а пальцы правой – на запястье левой, закрыл глаза и долго сидел так, выискивая в себе ростки Скверны, которые непременно должны были появиться в его духовных каналах после столь наглого поступка Ху Вэя. Ничего не отыскалось, но Господин-с-горы всё равно чувствовал себя осквернённым и привести свой разум и внутреннее равновесие в порядок смог ещё нескоро.

В посёлок он больше не спускался.

А через несколько месяцев его настигло проклятие.

[013] Господин-с-горы участвует в поминках по самому себе

Господин-с-горы настолько глубоко погрузился в воспоминания, что даже не заметил, как Недопёсок хорошенько огрел его по спине метлой.

– Эй! – протягивал Недопёсок. – Не стой столбом! Мне нужно смести листья в кучу.

Господин-с-горы опомнился и увидел, что всё ещё стоит в главном дворе, вот только лисы уже разбрелись и Лис-с-горы пропал.

– А, – догадался Недопёсок, – впервые увидел, как лисы превращаются в людей с помощью персиковой ветки?

Господин-с-горы кивнул. Ему о многом хотелось расспросить Недопёска, но он не мог: Недопёсок читать не умел, а жестами не объяснить, о чём Господин-с-горы хочет узнать. Но Недопёсок принялся болтать и сам всё рассказал. Ветка персикового дерева позволяла лисам превращаться в людей, но для этого нужно было отрастить не менее трёх хвостов помимо собственного. Лис-с-горы мог это делать, несмотря на то что хвост у него был всего один.

Господина-с-горы удивило, что Лис-с-горы до сих пор ходит в посёлок. Не мог же он всё это время приходить туда и ждать У Мина? Значит, о смерти Господина-с-горы он не

знает ещё: Господин-с-горы был уверен, что Лис-с-горы не покидал Хулишань всё это время. Другой вопрос, знает ли Лис-с-горы, что У Мин и Господин-с-горы – один и тот же человек? А впрочем, какая разница? Ни У Мина, ни Господина-с-горы больше нет. Есть лис Куцехвост.

«Надо бы придумать себе имя», – подумал Господин-с-горы.

Недопёсок уже болтал о слухах, которые ходили на Хулишань. Будто бы Лис-с-горы завёл дружбу с человеком. Сам Недопёсок был уверен, что целью этой дружбы являются потроха, которые, видимо, приглянулись Лису-с-горы. Лисы-оборотни чуяли, годится ли им печень того или иного человека. Господин-с-горы исполнился сомнений. Он не был уверен, что Ху Вэй собирался его съесть. Если только Лис-с-горы не притворялся. Все лисы притворщики.

А Недопёска было не остановить. Он всё болтал и болтал, совершенно забыв, что нужно мести двор. Господин-с-горы отобрал у него метлу и сделал это сам.

«Надо было его не Недопёском назвать, а Пустолайкой», – подумал Господин-с-горы.

В конце концов на Недопёска напустилась тощая девчонка-лиса и, отобрав метлу уже у Господина-с-горы, хорошенько отвозила его пустомелю-лиса. Господину-с-горы тоже досталось, путь и не метлой, но словесно. Девчонка-лиса терпеть не могла Куцехвоста, потому что Лис-с-горы явно был им заинтересован. Господин-с-горы предпочёл смолчать и

улиснуть. Он уже отменно выучился улисывать.

Впрочем, *улиснул* Господин-с-горы недалеко. Ему хотелось поглядеть, как вернувшийся Лис-с-горы будет превращаться обратно.

На гору вдруг напоззли свинцовые облака. Лисы бросали работу, задирали головы вверх и испуганно тявкали, некоторые даже взвыли, совсем не по-лисьи, скорее уж по-волчьи. Господин-с-горы всем телом ощутил тяжесть, давящую на него сверху. Он уцепился передними лапами за первый попавшийся столб и смог устоять на задних. Другие лисы метались по двору, искали убежища и забивались во все щели. Из их тявканья Господин-с-горы понял, что Лис-с-горы не в духе. Он поглядел на небо, готовое обрушиться вниз. Каким бы могущественным ни был Лис-с-горы, он всего лишь лис-оборотень. Как его настроение может влиять на погоду? Поразмыслив хорошенько, Господин-с-горы решил, что Лис-с-горы может быть горным духом. Тогда всё сходилось: горные духи-лисы могли управлять всем, что происходит на их территории, в том числе и погодой. Во всяком случае, так считали люди.

Вернулся Лис-с-горы. У него уже были уши и хвост, Господину-с-горы так и не удалось узнать, как он превращается из человека в лиса-оборотня. Лис-с-горы совершенно точно был не в духе. Лицо его было искажено, но Господин-с-горы не понял, была это гримаса ярости или боли. Аура была очень тяжёлая, именно она пригвоздила всех лис к земле, не

давая им подняться. В общем, вернувшийся Лис-с-горы был не вполне Лисом-с-горы.

Он велел всем лисам собраться во дворце, где они обычно кутили, и пить вино. Кто-то из лис осмелился спросить, что за праздник они сегодня отмечают.

Лис-с-горы прорычал:

– Это не праздник, а поминки. Мой человек умер.

Девчонка-лиса оживилась:

– Так ты его всё-таки убил и съел, гэгэ?

Лис-с-горы отвесил ей такую оплеуху, что она кубарем откатилась от него, потеряв равновесие. Лисы прижали уши к головам. Девчонка-лиса запричитала, затыкала, держась за щёку.

– Мой человек был моим лучшим другом, – прорычал Лис-с-горы. – Мой человек умер. Пейте, чтобы почтить его память.

Лисы опасливо переглянулись, но пить не спешили. Поминки по людям на Хулишань ещё не устраивали. Заявление Лиса-с-горы, что его лучшим другом был человек, их порядком озадачило. Лисы никогда не водили дружбу с людьми, они их ели.

Господин-с-горы был если уж не озадачен, то удивлён. Когда это У Мин успел стать для Ху Вэя лучшим другом? Они были знакомы всего неделю... Стоп! Лис-с-горы знал, что У Мин и Господин-с-горы один и тот же человек! Он пришёл в посёлок и услышал новости о смерти Господина-с-горы.

«А вот интересно, – подумал Господин-с-горы, – он уже знал об этом, когда пытался меня осквернить?»

– Что же вы не пьёте? – прорычал Лис-с-горы. – Я ведь велел вам пить.

Он взял со стола чашу вина и залпом её выпил. Лисы поджали хвосты, но всё ещё медлили. Лис-с-горы обвёл их презрительным взглядом, швырнул чашу в стену. Глиняные осколки градом посыпались на каменные плиты пола.

– Куцехвост! – позвал Лис-с-горы, заметив Господина-с-горы, который прятался за колонной.

Господину-с-горы пришлось покинуть укрытие и подойти. Ослушаться он не осмелился.

Лис-с-горы сунул ему в лапы чашу вина:

– Пей.

Господин-с-горы поглядел на своё отражение в колышущейся беловатой жидкости. Вина ему пить не хотелось, он не знал, как оно на него подействует, ведь он был теперь всего лишь лисом. Ему бы не хотелось чем-нибудь себя выдать.

– Почему не пьёшь? – мрачно спросил Лис-с-горы.

Господин-с-горы обмакнул коготь в вино и написал на краю стола: «Человек – враг». Это показалось ему неплохим оправданием не пить вино: люди травили его собаками, он лишился половины хвоста из-за них. Он подумал, что лисы не пьют по той же причине. На самом деле лисы ждали, пока кто-нибудь не выпьет первым. Никому не хотелось становиться первой лисой, помянувшей человека чаркой вина.

– Не все люди враги, – сказал Лис-с-горы ещё мрачнее, прочитав написанное. – Мой человек не был врагом. Пей, или из Куцехвоста превратишься в Бесхвоста.

Лишаться остатков хвоста Господину-с-горы не хотелось, но он всё же в последний раз попробовал улиснуть, написав: «Я никогда не пил вино».

– Верно, – рассеянно проговорил Лис-с-горы, – ты ведь был обычным лесным лисом, когда я тебя нашёл. Но вот что я тебе скажу: вино помогает культивации. Дао Лисы советует пить вино, когда не можешь сделать прорыв на следующий уровень.

У людей было наоборот: пить вино запрещалось, потому что опьянение ведёт к помутнению сознания, а значит, и к Скверне. Видимо, у лис-оборотней дела обстояли иначе. Господин-с-горы опять поглядел на своё отражение в вине. О прорыве в культивации речь не шла, он ведь даже второго хвоста ещё не отрастил. Не хотелось наживать себе врага в лице Лиса-с-горы. Господин-с-горы интуитивно понял, что Лис-с-горы не простит тех, кто не выпьет на этих поминках. Но всё же... участвовать в поминках по самому себе?

Господин-с-горы решительно разинул пасть и вылил в неё чашу вина. Лисы, ещё не принявшие человеческого облика, не пили вино, лисы его лакали. Немудрено, что на него уставились круглыми глазами. Господин-с-горы закрыл пасть и судорожно сглотнул. Лисы воспрянули: теперь можно смело пить, Куцехвост стал первым лисом, помянувшим человека!

– И пьёшь ты не по-лисьи, – пробормотал Лис-с-горы. – Не подавился? Лисьей пастью можно только лакать.

Господин-с-горы почувствовал, как вино булькает в желудке. Ощущение это ему не понравилось. Наступившее следом опьянение тоже. Он отрыгнул и прикрыл пасть лапой. Лис-с-горы взял его за шиворот и сел за стол, укладывая Господина-с-горы себе на колени, как сделал бы человек с кошкой. То, что его треплют по ушам, Господину-с-горы тоже не понравилось.

Лис-с-горы опрокидывал одну чашу вина за другой.

«Как же он по мне убивается», – удивлённо подумал Господин-с-горы.

[014] Чудодейственная пилюля

Жизнь на горе Хулишань текла своим чередом. Лис-с-горы хандрил и пил вино вот уже третий месяц, но больше не заставлял других пить с ним. Лисы вернулись к своим обязанностям.

Господин-с-горы принялся отращивать ещё один хвост. Недопёсок сказал ему, что самое время отращивать второй хвост, мол, у Куцехвоста для этого накопилось достаточно сил. Дао Лисы не объясняло, как это делается.

Господину-с-горы приходилось до всего доходить своим умом. Поразмыслив, он решил, что хвост можно отрастить, медитируя в разы усерднее, чем прежде, и направляя духовную энергию по каналам к хвосту. Сделать это было не так-то просто, поскольку хвост всё ещё был для Господина-с-горы инородным, так сказать, телом.

Он пытался припомнить, что некогда читал о культивации. Разумеется, в книгах людей ничего не было про отращивание хвостов, но упоминались техники, позволяющие вырастить, скажем, новый глаз или палец вместо утраченных. Господин-с-горы решил, что это одно и то же. Быть может, удастся вернуть себе полноценный хвост, а потом уже отращивать следующий.

Он взял кисточку и на осеннем листе набросал список того, что ему нужно для изготовления пилюли. В основном это

были травы и коренья, и он не сомневался, что отыщет их на склонах горы Хулишань.

Несколько дней Господин-с-горы бродил по горе с корзиной за плечами, разыскивая нужные ингредиенты. Лисий нюх, которым он теперь обладал, ему отлично пригодился. Он вынюхивал нужный корень, разрывал землю вокруг и доставал его.

Ещё несколько дней ушло на то, чтобы высушить травы и измолоть коренья в ступке.

Лису-с-горы, разумеется, донесли, что Господин-с-горы что-то химичит. Он оставил недопитую чашу вина, поднялся и пошёл поглядеть. В глазах его вновь вспыхнул интерес. Лисы поняли: траур по человеку закончен, – и подумали, что нужно поблагодарить за это Куцехвоста: если бы не его нелепые выходки, Лиса-с-горы ни за что не удалось бы отвлечь от пьянства.

Господин-с-горы как раз закончил варить мастику, из которой скатывались пилюли. Выварилось совсем немного, как раз на одну пилюлю. Он сунул лапу в ещё дымящийся котёл, подцепил мастику когтями и скатал из неё нечто, напоминавшее пилюлю. С лисьими лапами не получалось придать ей круглую форму, но Господин-с-горы подумал, что форма не так уж и важна, если содержание верное. Мастика подстыла, и Господин-с-горы устался на нечто пилюлеобразное в своей лапе. Пахло тоже не очень. Господин-с-горы прежде никогда не изготавливал пилюль. Пробовать их ему тоже не

доводилось. Он понюхал комок в своей лапе и чихнул.

Кто-то чихнул с ним в унисон. Господин-с-горы обернулся и увидел Лиса-с-горы.

Тот прикрыл лицо рукавом и воскликнул:

— Чем здесь воняет?

Господин-с-горы поспешно сунул пилюлю в рот и проглотил. Пилюля продиралась через горло, как тупой нож через плотно натянутую ткань. Глаза Господина-с-горы заслезились.

Лис-с-горы между тем сунул палец в котелок с остатками мастики, долго разглядывал то, что нацеплялось на коготь, осторожно понюхал и вновь чихнул.

— Что это за мерзость? — спросил он, раздумывая, обо что бы вытереть руку. — Дёготь?

Господин-с-горы ничего не ответил. Он был слишком занят, пытаясь засунуть себе лапу в пасть и вытащить застрявшую в горле пилюлю или протолкнуть её дальше. Слёзы из его глаз катились градом.

Лис-с-горы наконец заметил, что с Куцехвостом что-то не так. Он бесцеремонно поднял его с земли за хвост и принялся трясти вверх-вниз. Так обычно поступали с лисами, если те чем-то давились. Господин-с-горы крепко стиснул челюсти. Выплёвывать пилюлю, пусть она и встала поперёк горла, он не хотел. Столько усилий было потрачено на её создание! По счастью, тряска помогла пилюле проскочить дальше и плюхнуться в желудок. Почувствовав это, Господин-с-

горы раскрыл пасть и позволил слюне течь. Лис-с-горы приподнял его выше, поглядел на залитую слюнями морду Куцехвоста и, убедившись, что он дышит нормально, поставил его на пол. Господин-с-горы рысью помчался к бочке с водой, чтобы напиться и умыть морду. Даже в лисьем обличье он пытался за собой следить.

– Ты наелся дёгтя? – спросил поджидавший его Лис-с-горы, когда Господин-с-горы вернулся обратно.

Господин-с-горы подумал, что не стоит говорить правду. В Дао Лисы не было ничего подобного. Поэтому он взял кисточку и намарал на листке клёна: «Выгнать паразитов». Он знал, что звери едят горькое, чтобы прогнать из желудка поселившихся там червей. Пусть уж Лис-с-горы лучше думает, что его одолели паразиты. Лис-с-горы фыркнул что-то себе под нос, сунул руку в рукав и вытащил из него небольшой мешочек,пряно пахнувший петрушкой, полынью и ещё разными травами.

– Завари себе чай и пей, – велел он, кинув мешочек Господину-с-горы, тот поймал передними лапами. – Хватило же ума сварить дёготь...

Лис-с-горы ушёл, продолжая фыркать себе под нос. Господин-с-горы вздохнул с облегчением.

[015] Господин-с- горы отращивает хвост

Ничего не произошло. Господин-с-горы думал, что как только пилюля переварится, так сразу и начнёт отрастать отгрызенный хвост. В тех книгах, что он некогда читал, уверяли, что эффект от пилюли моментальный.

Господин-с-горы просунул хвост между лапами и придиричливо его осмотрел. Лисы-слуги тогда постарались, подлатали его на славу, и выглядело как пусть и коротенький, но всё же самый настоящий хвост, только без лисьей белой или чёрной кисточки на конце. Хвост несколько не изменился. Господин-с-горы был разочарован: усилия по приготовлению и проглатыванию пилюли пропали даром. Он почесал лапой за ухом, размышляя. Ничего не поделаешь, придётся отращивать хвост медитацией.

Полагая, что процесс этот будет долгий, Господин-с-горы подтащил подушку и уселся на неё в позе лотоса. В некое подобие позы лотоса, если уж начистоту, всё-таки он был лисой, а не человеком, и конечности у него гнулись не так хорошо, как хотелось бы. И он принялся медитировать, медитировать, медитировать...

По счастью, пошли дожди, и ему не нужно было поливать персиковое дерево, так что он мог полностью посвятить себя

медитации.

Изредка он поднимался с подушки и заглядывал себе за спину, чтобы проверить, не вырос ли ещё один хвост. Не вырос ни через неделю, ни через две. Зато Лисье пламя внутри окрепло и прибавило себе пару языков за время медитации.

Господин-с-горы был раздосадован. Он всё делал правильно и даже научился чувствовать огрызок хвоста как часть себя, но хвостов это ему не прибавило. Он насупился и поскрёб голову лапой.

Лис-с-горы, который в очередной раз заглянул к нему (Господин-с-горы был погружён в медитацию и не видел, что Лис-с-горы частенько его проверяет), увидел, что Куцехвост сидит, подперев морду одной лапой и скребя в затылке другой. Выражение морды у него при этом было унылое.

– Что это с тобой? – спросил Лис-с-горы и дёрнул его за ухо.

Господин-с-горы лишь недовольно огрызнулся.

– И когда ты уже научишься тявкать нормально? – закатил глаза Лис-с-горы. – Что ты здесь делаешь, я спрашиваю.

Господин-с-горы взял кисточку и написал на листке: «Отращиваю второй хвост». Лис-с-горы прочёл, фыркнул и ещё раз дёрнул Господина-с-горы за ухо.

– Ты думаешь, хвосты так отращивают? Если бы для этого было достаточно сидеть сиднем, у каждого бездельника на Хулишань было бы по два, а то и больше!

Господин-с-горы потрясённо тявкнул. Лис-с-горы вышел

во двор, поглядел на персиковое дерево и оборвал несколько листьев с самых тонких веток.

– Ешь, – велел он, вернувшись и протягивая листья Господину-с-горы.

Господин-с-горы очень сомневался, что листья персикового дерева съедобны. Морда у него стала как у тибетской лисы.

– Перед медитацией съдай несколько листьев, – продолжал Лис-с-горы. – Без этого ты на себе ни шерстинки не вырастишь. И не вздумай их варить! – добавил он, вспомнив о любви Куцехвоста к кулинарным экспериментам.

Господин-с-горы долго изучал выражение лица Лиса-с-горы и протянутые ему листья персикового дерева. Люди никогда не ели листья, но повсеместно использовали их для изготовления ядов. А если он отравится, изжевав их?

– Ну, если не хочешь отращивать хвост, то и не ешь, – пожал плечами Лис-с-горы, бросив листья на стол. – Можешь сидеть и отращивать седалищные мозоли, как у обезьяны.

Он засмеялся собственной шутке и ушёл.

Господин-с-горы долго косился на листья, потом взял один и отгрыз самый кончик. Вкус был просто отвратительный! У Господина-с-горы свело скулы. Он подождал немного, прислушиваясь к себе и выискивая симптомы начинающегося отравления. Ничего. Он съел лист полностью и опять прислушался. Ничего и в этот раз. Господин-с-горы поскрёб лапой в затылке и запихнул оставшиеся листья в пасть. Мор-

да у него опять стала как у тибетской лисы. Горечь невообразимая!

Он с трудом проглотил жвачку из листьев и принялся медитировать, размышляя, сколько листьев ему придётся съесть, чтобы отрастить ещё один хвост. Лис-с-горы ничего об этом не сказал.

Он ел листья три недели подряд, и выражение тибетской лисы прочно обосновалось на его морде. Желудок у лис был лужёный. Господин-с-горы зря боялся: ни несварения, ни изжоги он не заработал. Но всё, что он ел, теперь имело горький привкус, и даже вода, которую он пил, казалось, тоже имела привкус листвы персикового дерева.

Хвост не отрастал. Господин-с-горы ел в два раза больше листьев следующие три недели – с тем же успехом. Лисье пламя прибавило ещё несколько языков.

Господин-с-горы попробовал сварить листья в кипятке. Всё-таки он был не совсем лисой. Быть может, поэтому у него не получалось сделать это по-лисий? На вкус варёные листья были ещё гаже, чем в сыром виде, но Господин-с-горы стойчески их жевал и проглатывал один за другим, пока его живот не раздулся, как шар.

После трёх недель поедания варева из листвы хвост так и не появился. Появилась изжога.

– В гроб этот хвост! – ругнулся Господин-с-горы и лёг спать.

Он твёрдо намерился бросить затею отращивать хвост.

Вместо этого принял решение медитировать и копить духовные силы.

Наутро Господин-с-горы полил персиковое дерево и сел медитировать. Сидеть было страшно неудобно. Он просунул под себя лапу, пощупал, нащупал два уплотнения под шкурой и мрачно подумал, что Лис-с-горы оказался прав: вместо хвоста отрастил себе седалищные мозоли!

[016] Урок игры в шахматы

Съесть поутру пару персиковых листьев вошло у него в привычку. Господин-с-горы выбирал те, что помягче, на концах веток, едва раскрывшиеся. Старые листья были жёсткие, он их не трогал, но понимал, что придётся обрывать и их, когда молодая листва закончится. А он полагал, что съест все листья на персиковом дереве, прежде чем у него появится хотя бы намёк на второй хвост!

Обязанностей у него прибавилось. Ему теперь приходилось относить поднос с завтраком Лису-с-горы. Тот всё ещё пребывал в дурном настроении, и лисы полагали, что Куцехвост, раз уж он явно в милости у хозяина горы, прекрасно с этим справится.

Господин-с-горы побаивался Лиса-с-горы. Самую малость, но побаивался. Но поскольку сознание его было не вполне лисьим, то животного страха перед ним, как остальные лисы, он не испытывал. Он взял поднос с едой и понёс его Лису-с-горы, осторожно вышагивая по неровным камням двора. Поднос был тяжеловат для лиса, но гибкие пальцы Господина-с-горы крепко держали его, не давая накрепиться.

Лис-с-горы сидел возле низкого игрального столика, наклонившись над шахматной доской. Шахматы были заморские, с вырезанными из дерева игральными фигурами, изоб-

ражающими всадников на конях, солдат в доспехах и прочее. Господин-с-горы никогда таких не видел. В посёлке, где они с Ху Вэем играли в шахматы, фигуры были обычные – плашки с названиями или чёрные и белые камешки.

Фигуры были расставлены так, словно шахматная партия в самом разгаре. Лис-с-горы играл сам с собой: сделав ход, он пересаживался напротив собственного места и делал ответный.

Господин-с-горы поставил поднос и, не удержавшись от любопытства, взглянул на шахматную доску. Лис-с-горы скрёб когтями за ухом, размышляя, какой ход сделать. «Конём», – мысленно сказал Господин-с-горы. Ему, чтобы оценить ситуацию, хватило и одного беглого взгляда. Но подсказать ход он Лису-с-горы не мог: лесному лису, каким его полагали, неоткуда знать правила игры в шахматы! Господин-с-горы озадаченно поскрёб кончик носа когтем, потом глаза его вспыхнули озарением. Он взял фигуру коня с шахматной доски и принялся её разглядывать и даже обнюхивать.

– Не трогай! – всполошился Лис-с-горы. – Это не еда!

Вероятно, он решил, что Куцехвост собирается попробовать коня на зуб. Господин-с-горы со скучающим видом поставил коня на шахматную доску, очень небрежно поставил, вот только не на то место, где конь стоял до этого, а на нужное, с которого можно было сделать шах вражескому королю. Лис-с-горы принялся браниться, что Куцехвост перепутал фигуры, протянул руку к доске, чтобы переставить коня об-

ратно, но замер. Вероятно, он заметил шах королю. Жёлтые глаза его тут же оказались на Господине-с-горы. Тот невольно поёжился, но всё-таки сделал вид, что не понимает, за чего его бранят.

– Куцехвост, ты умеешь играть в шахматы? – спросил Лис-с-горы и тут же, не дожидаясь ответа, фыркнул: – Откуда? Ты ведь лесной лис...

Но жёлтый огонёк в его глазах тут же разгорелся сильнее, и Лис-с-горы велел:

– Садись напротив меня. Я научу тебя играть в шахматы. Ты кажешься смышлёным, ты должен понять.

Господину-с-горы пришлось сесть за шахматную доску и притворяться, что он ничегошеньки не понимает в шахматах. Быть может, он даже переусердствовал в этом. Но Лис-с-горы был доволен и с жаром принялся вдабливать основы игры в шахматы в Куцехвоста. Он перечислял всевозможные ходы, заставлял Господина-с-горы показывать ему фигуры, которые он называл, и как ими ходят, чтобы убедиться, что Куцехвост запомнил. Господин-с-горы иногда намеренно ошибался, чтобы Лису-с-горы не казалось подозрительным, что он запомнил всё с первого раза. Лис-с-горы рычал на него и принимался повторять снова. Через пару часов обучения Господин-с-горы решил, что можно перестать притворяться, и ответил правильно.

Лис-с-горы обрадовался:

– Наконец-то! Давай сыграем пробную партию.

Господину-с-горы пришлось быть осторожным. Чтобы не выдать себя, ошибки приходилось совершать намеренно. За эту партию у него было не менее десяти шансов поставить Лису-с-горы шах и мат, но он упорно делал вид, что не замечает удачного расположения фигур. Он проиграл в пух и в прах, но Лис-с-горы остался доволен.

– Теперь мне есть с кем играть в шахматы! – довольно воскликнул он.

«А другие лисы?» – спросил Господин-с-горы, выводя слова прямо на краю шахматной доски. Лис-с-горы следил за его когтем, так что понял написанное.

– Слишком тупы, – фыркнул он с презрением. – Я пытался учить их, но они даже не могут запомнить названия фигур. Ещё сто лет пройдёт, прежде чем они смогут сделать хотя бы это! Куцехвост, ты знал, что ты настоящий гений?

Господин-с-горы хоть и был польщён, но виду не подал.

С того дня они каждый день играли в шахматы, и Лис-с-горы был уже не в таком дурном настроении, как прежде, хоть Господин-с-горы так ни разу и не выиграл у него.

[017] «Вот так неожиданность!»

У Господина-с-горы было отличное настроение, несмотря на неудачу с отращиванием хвоста.

«Вероятно, – подумал он, – так просто это не делается. Я ведь здесь лишь несколько месяцев. На культивацию уходят годы».

Утешившись этим, он продолжил совершенствоваться.

Игра в шахматы помогала ему держать ум в напряжении: иногда ему казалось, что лисье обличье отупляет. Были кое-какие вещи, которые он забыл после перерождения в лису и не мог вспомнить, как ни старался. Так, он не помнил теперь собственного имени. Он знал, что люди называли его Господином-с-горы, а Ху Вэй – У Мином, но настоящее имя память утратила.

«Вот теперь точно стал У Мином», – мрачно подумал Господин-с-горы.

Впрочем, у него была едва ли не вечность, чтобы вспомнить или придумать себе новое имя.

В тот день Господин-с-горы занимался стихосложением. Погода и настроение располагали провести день, упражняясь в изящных искусствах. Он исписывал один осенний листок за другим и откладывал на край стола.

Двери в его дом распахнулись довольно резко. Это бы-

ла тощая девчонка-лиса. Неприязнь её к Куцехвосту росла с каждым днём: Лис-с-горы проводил с Господином-с-горы всё больше времени за беседами или за игрой в шахматы и совсем забросил дела (которые сводились к лисьим пирушкам, если уж начистоту). Остальные лисы нисколько не возражали надираться без Лиса-с-горы и Куцехвосту благоволили, ведь у Лиса-с-горы теперь было хорошее настроение, и он и думать забыл о своей утрате – о человеке, по которому они ещё недавно справляли поминки. Девчонка-лиса была о Куцехвосте другого мнения.

– Штукарь бесхвостый! – злобно твякнула она, глядя на Господина-с-горы узкими, как щели, глазами. – Это всё ты и твои штукарства! Из-за тебя гэгэ бросил меня!

Господин-с-горы уставился на девчонку-лису не мигая. Претензии её были более чем странные. Из того, что видел Господин-с-горы и что рассказывал ему болтун-Недопёсок, девчонка-лиса уже не одну сотню лет сохла по Лису-с-горы, но взаимности добиться не могла: Лис-с-горы попросту не обращал на неё внимания в известном смысле.

– Ты ещё хуже человека!

Девчонка-лиса подбежала вплотную и опрокинула столик, за которым сидел Господин-с-горы. Осенние листья рассыпались по полу, девчонка-лиса принялась топтать их, повторяя:

– Вот тебе! Вот тебе!

Господин-с-горы вскочил. Лисьё пламя внутри него свер-

нулось в комок от ярости. У девчонки-лисы были грязные ноги, а тушь на листках ещё не высохла, и теперь его стихотворения превращались в безобразные кляксы. Глаза его вспыхнули белым светом, как это бывало ещё до перерождения, если он выходил из себя. Девчонка-лиса торжествующе плюнула на листки лисьим огнём, синеватое пламя вспыхнуло и охватило листки.

– Вот тебе! – повторила она с силой.

– Тупая лиса!!! – заорал Господин-с-горы, отталкивая её от листков. Он принялся прихлопывать лапами прямо по пламени, не обращая внимания на то, что шерсть на его пальцах плавится и превращается в тлеющие угольки, и на то, что его твяканье сложилось в слова, которые поняли все, кто услышал его вопль.

– Как ты меня назвал?!

Недопёсок, ставший свидетелем этой свары, поджал хвост и помчался к Лису-с-горы, полагая, что ничем хорошим эта ссора не кончится. Он знал, что Куцехвост очень дорожил осенними листками, покрытыми закорючками.

– Куцехвост! Куцехвост! – щёлкая челюстями, пролаял Недопёсок, ворвавшись к Лису-с-горы.

Тот расставлял фигуры на шахматной доске.

– Что с Куцехвостом? – нахмурился Лис-с-горы.

Но Недопёсок был слишком взволнован и только беспорядочно махал лапами и повизгивал. Лис-с-горы бросил шахматы и широкими шагами пошёл к дому Куцехвоста. Недо-

пёсок бежал следом и подвывал.

Ещё на подходе Лис-с-горы услышал рычание. Тембр голоса был знакомый, но Лис-с-горы не сразу понял, что это Господин-с-горы. Он никогда прежде не рычал так... вообще не рычал, к тому же в этом рычании слышалось явственное: «Тупая лиса!»

Лис-с-горы вбежал в дом. Господин-с-горы стоял на всех четырёх лапах, передними на обугленных и всё ещё горящих лисьим пламенем осенних листках. Глаза у него были совершенно белые, а сам он окружён беловатым сиянием – всплеск ярости был настолько силён, что духовные силы вырвались и проявились в виде ауры. Лис-с-горы на секунду раскрыл глаза шире, чем обычно, крылья его носа дёрнулись. Сзади у Господина-с-горы развевались два хвоста, не очень длинных, но всё же длиннее, чем его природный хвост, изуродованный собаками.

Недопёсок всплеснул лапами и, решив, что Куцехвост тоже горит, как и листки под ним, схватил бадью и помчался к колодцу за водой.

Лис-с-горы взял девчонку-лису за шиворот и вышвырнул из дома с резким:

– Убирайся и не показывайся мне на глаза!

Недопёсок промчался обратно, расплёскивая воду, и, прежде чем Лис-с-горы успел его остановить, опрокинул бадью прямо над Господином-с-горы. Неожиданный душ, надо признать, привёл его в чувства: белое сияние пропало, глаза

стали обычными, лисьими. Вид у него был жалкий. Но и лисий огонь пропал, правда, вместе с ним и осенние листки.

– Так-так, – сказал Лис-с-горы, подходя и поднимая Господина-с-горы за откушенный хвост, – вот так неожиданность.

Господин-с-горы огрызнулся, и в этот раз все его прекрасно поняли. Недопёсок приложил передние лапы к морде в знак сильнейшего удивления.

– Наконец-то научился тявкать, – сказал Лис-с-горы без видимого недовольства, опуская Господина-с-горы обратно на землю. – Как это тебе удалось?

Господин-с-горы сообразил, что они теперь его понимают, вот только сам не понимал, как так вышло, поэтому придержал лапой челюсть и прошамкал:

– Не знаю.

– Ай-ай, – сказал Недопёсок, – впервые вижу, чтобы лис отрастил сразу два хвоста!

– Да, – согласно протянул Лис-с-горы, – разом два ещё не бывало. И как это вышло, ты, конечно, тоже не знаешь?

Господин-с-горы сообразил, что они говорят о нём, и удивлённо поглядел через плечо себе за спину. Толком увидеть ничего не удалось, и он завертелся на месте, как собачонка, ловящая свой хвост. У него на самом деле было теперь ещё два хвоста помимо собственного, два коротеньких, но пушистых хвоста справа и слева от откушенного, и что-то подсказывало Господину-с-горы, что они скоро отрастут

в настоящие лисьи хвосты. Но Лис-с-горы был прав: он не знал, как смог отрастить сразу два и столь внезапно.

— У тебя от злости произошёл всплеск духовной силы, — пояснил Лис-с-горы, сапогом подпихивая сгоревшие листки в кучу. — Вероятно, это ускорило культивацию твоего хвоста.

Господин-с-горы сел и горестно уставился на кучки мокрого пепла. Недопёсок, который чувствовал себя отчасти виноватым в произошедшем, поскольку водой смыло тушь и с тех листков, что чудом уцелели при пожаре, похлопал его лапой по спине и заискивающе сказал:

— Куцехвост, ты же умный. Ты легко вспомнишь, что было написано на каждой листке.

Он ловко поставил перевернутый столик и принялся рысью бегать по дому, подбирая и раскладывая по местам раскиданные вещи. Он даже вызвался растирать для Господина-с-горы тушь, если тот решит восстанавливать листки прямо сейчас.

— Подождите немного, — сказал Лис-с-горы и вышел.

Господин-с-горы тем временем пытался, с трудом выговаривая слово за словом, убедить Недопёска, что ни в чём его не винит.

— Бедные твои лапы! — со вздохом сказал Недопёсок.

Господин-с-горы поглядел на передние лапы. Шерсть на его пальцах и выше оплавилась. Боли он не чувствовал, но испытал лёгкое омерзение, увидев, что кожа у него бурого цвета. Было это от ожога или по природе, он не знал.

Вернулся Лис-с-горы, принёс целый ворох настоящей бумаги и бамбуковых табличек, скреплённых жгутами. Всё это было своровано у людей. Бумага была исписана с одной стороны, как и таблички, но Лис-с-горы сказал, что другой-то прекрасно можно пользоваться. Господин-с-горы взял один лист, поглядел на изнанку. Это был розыскной лист какого-то бандита. Другие листы бумаги были тоже содраны с досок объявлений, на некоторых были написаны указы властей. Бамбуковые таблички, вероятно, были сворованы из книжных лавок и у зазевавшихся уличных торговцев.

– В амбаре ещё целая куча, – небрежно сказал Лис-с-горы. – Когда эти закончатся, Недопёсок принесёт тебе остальное.

Господин-с-горы горячо поблагодарил Лиса-с-горы и тут же сел восстанавливать свои поэтические листки.

Лис-с-горы стоял подле него, в глубине его глаз мерцало какое-то беловатое пламя, ничуть не лисье. Он сделал над собой усилие, будто ему сложно было отвести от Куцехвоста взгляд, и сказал, отворачиваясь, чтобы уйти:

– Можешь сегодня не приходить играть в шахматы.

Господин-с-горы был так увлечён письмом, что и не слышал.

[018] Господин-с-горы вспоминает о чувстве приличия

Господин-с-горы проснулся с чётким ощущением – что-то не так. Он поморгал глазами спросонья, сложил лапы на животе и принялся размышлять, что же не даёт ему покоя.

Теперь у него было три хвоста, вернее, два с половиной хвоста, и другие лисы глядели на него, как на диковинку: как верно заметил Недопёсок, разом два хвоста ещё никто на Хулишань не отращивал! В Лисьем пламени внутри него добавилось ещё несколько язычков. Нет, дело было вовсе не в хвостах.

Он лежал и размышлял так довольно долго, потом глаза его округлились, он подскочил и воскликнул, обхватывая морду передними лапами:

– Да ведь я с самого перерождения хожу голым!

Произнеся это, Господин-с-горы озадачился. Во-первых, тому обстоятельству, что он до этого момента ни разу об этом не задумался, словно ходить без одежды было в порядке вещей. Вероятно, так оно и было. Для лис. Но он-то был не вполне лисом, отчего же он и думать забыл о приличиях? А во-вторых, ему предстояло решить: считать ли лисью шерсть одеждой, или лисы всё-таки ходят голые? Он, по счастью, был очень пушист, так что шерсть скрывала срамные

части тела. Лисы, превратившиеся в людей, одежду носили. Те, что были в лисьем обличье, – нет, и их нисколько это не смущало.

«Нужно раздобыть одежду», – решил Господин-с-горы.

Он знал, что одежду для лис-оборотней шьют здесь же, на Хулишань: слышал обрывки разговоров других лис. Шила одежду некая Многоглазая, так называли её лисы, и Господин-с-горы примерно знал, где искать её дом, тоже из обрывков разговоров других лис.

Дом был очень старый, почти развалюха, покрытый мхом и густой паутиной. Хозяйка явно не утруждала себя уборкой. Изнутри слышался стук ткацкого станка. Господин-с-горы постучал и вошёл, поскольку никто на стук не отозвался. Внутри дом был столь же запущен, что и снаружи. Лапы Господина-с-горы оставляли в толстом слое пыли на полу цепочку следов. Хозяйка, жирная старуха, сидела за ткацким станком. Одного взгляда на неё хватило, чтобы понять, почему лисы так её прозвали: помимо двух обычных глаз, у неё на лбу было ещё шесть, все разных размеров, и каждый жил своей собственной жизнью. А ещё у неё было много рук, Господин-с-горы насчитал шесть и сбился, поскольку руки постоянно были в движении. Заметив его, старуха бросила работу.

– Ты кто? – спросила она скрипуче.

– Куцехвост, – ответил Господин-с-горы.

Старуха оживилась:

– А, тот ненормальный лис, что умудрился вырастить два хвоста разом...

Господину-с-горы это нисколько не польстило, хотя она и упомянула его достижение.

– Что тебе нужно? – спросила Многоглазая.

– Одежда.

– Для кого?

– Для меня, – сказал Господин-с-горы.

Все восемь глаз старухи уставились на него. Господин-с-горы невольно поёжился.

– Но ты ещё не обращаешься в человека.

– Мне нужна лисья одежда, – объяснил Господин-с-горы.

– Лисы одежду не носят, – опять возразила она.

– Я ношу.

Какое-то время она глядела на него не моргая, потом шесть дополнительных глаз закрылись, а шесть рук разом потянулись к нему, схватили и стали крутить, вертеть и ощупывать. Господин-с-горы взвизгнул и затыкался, но Многоглазая строго прервала его:

– Не вертись, дай снять мерку. За одеждой завтра придёшь. Да не забудь принести плату.

Господин-с-горы понятия не имел, чем платить за шитьё. Он так и сказал.

Многоглазая открыла ещё три глаза и сказала:

– Наловишь мне мешок мышей.

– Зачем тебе мыши? – удивился Господин-с-горы.

– Я их ем, – ответила старуха, улыбнувшись, и он увидел, что рот её полон острых зубов, похожих на рыбы колючки.

Весь следующий день Господин-с-горы постигал искусство мышкования. Мешок у него был, были четыре лапы и пасть, полная зубов, но мышелов из него был никакой. Он носился по склонам Хулишань без роздыха, но смог поймать всего четырёх мышей, хоть и водилось их здесь превеликое множество. Недопёсок, который за ним наблюдал, предложил свою помощь, хоть и не знал, для чего Куцехвосту вдруг понадобились мыши. Господин-с-горы принял помощь с радостью, и Недопёсок за считанные минуты набил мешок мышами.

– Жарить будешь или сваришь? – между делом осведомился Недопёсок.

Господин-с-горы подозревал, что лисы едят мышей и что он, вероятно, тоже. Но он помотал головой и сказал, что это для Многоглазой.

Недопёсок поёжился и предупредил:

– Ты осторожней с ней. Она не только мышей ест. На помойке за её домом полно и лисьих костей.

Господин-с-горы кивнул.

Многоглазая его не съела. При виде туго набитого мешка все восемь глаз её разгорелись, она тут же запустила в мешок все шесть рук и стала глотать одну мышь за другой.

Господин-с-горы поспешно отвёл глаза и спросил:

– А моя одежда?

Многоглазая, не отрываясь от пиршества, бросила ему свёрток. Господин-с-горы поспешил его развернуть и одеться. Паучиха сшила ему два халата – длиной каждый был на ладонь ниже причинного места, с прорезью сзади для хвоста – и поясок. Господин-с-горы одёрнул воротник, ловко завязал пояс замысловатым узлом. Одежда сидела на нём как влитая, но он отчего-то почувствовал себя в ней неудобно. Вероятно, потому, что лисам одежды не полагалось.

Другие лисы даже оборачивались ему вслед, когда он проходил мимо них. Лису-с-горы, конечно же, тут же донесли, что Куцехвост нацепил на себя одежду.

– Как только тебе в голову пришло нарядиться в это? – хохотнул Лис-с-горы.

Господин-с-горы одёрнул воротник и протявкал:

– Нужно блюсти приличия.

Лис-с-горы уже не хохотал. Его жёлтые глаза уставились на Господина-с-горы так же пристально, как и глаза Паучихи. Господин-с-горы машинально одёрнул воротник ещё раз.

Он не замечал этого за собой, но у него и в прошлой жизни была такая привычка – одёргивать одежду, если он смущался или был растерян.

[019] Ещё о Дао Лисы

Каждое утро Господин-с-горы измерял длину своих хвостов, чтобы убедиться, что они нисколько не выросли за ночь. Вероятно, они росли днём, потому что длина их постоянно менялась. Когда они стали достаточно длинными, Господин-с-горы приноровился держать их прижатыми с обеих сторон к откушенному хвосту, пряча его. Чувство собственного достоинства толкало его на это. Со стороны могло показаться, что у него один хвост, очень пушистый и с раздвоенным кончиком. Но крестьян и злых собак он не раз поминал недобрым словом.

Лис-с-горы, услышав это, поинтересовался:

– Хочешь им отомстить?

Господин-с-горы озадаченно поглядел на него. Жёлтые глаза Лиса-с-горы поблескивали, он явно предвкушал то, что собирался сказать.

– Можно, например, сговориться с хорьками, – сказал Лис-с-горы, – и они передают у них всех кур.

– Но ведь куры-то ни в чём не виноваты, – возразил Господин-с-горы.

– Куры виноваты в том, что они куры. Добычу можно поделить.

Господин-с-горы покачал головой:

– Злодеяния и зломыслие ведёт к Скверне.

Лиса-с-горы это явно позабавило.

– Скверна, скверна... – протянул он. – Ты постоянно болтаешь то, о чём понятия не имеешь. Ну хорошо, тогда можно пугануть их, чтобы они больше не совались в наши леса.

– А это наши леса? – усомнился Господин-с-горы.

– Все леса вокруг Хулишань принадлежат лисам-оборотням, – наизидательно пояснил Лис-с-горы. – Так гласит Дао Лисы.

Господин-с-горы призадумался. Все лисы на Хулишань твердили о Дао Лисы, он сам пытался постигнуть Дао Лисы, но если уж начистоту, то он понятия не имел, в чём это Дао Лисы заключается!

– А можно где-нибудь об этом почитать? – наморщил лоб Господин-с-горы. – Где мне взять Дао Лисы?

Лис-с-горы приложил ладонь к сердцу:

– Тут. Каждая лиса ищет ответы внутри себя. Это и есть Дао Лисы.

– Но тогда, получается, что оно у всех разное?

– Оно у всех одно, – возразил Лис-с-горы, и Господин-с-горы решил, что речь идёт о лисьих или звериных инстинктах.

«Тогда моё Дао Лисы точно отличается от всех остальных», – подумал он и поскрёб лапой переносицу. А ещё подумал, что нужно бы записать всё то, что он узнавал, чтобы составить культивационный трактат.

– Ну что, – спросил Лис-с-горы, – хочешь ты отомстить

людишкам или нет?

Господин-с-горы хорошенько подумал, прежде чем ответить. Он исполнился противоречий. Воспоминания о пережитом страхе и унижениях покалывали где-то под шкурой и заставляли думать, что проучить крестьян и их собак стоило. Но его натура была не вполне лисьей, и он до сих пор старался следовать принципам, которыми жил Господин-с-горы в своём человеческом воплощении, поэтому ответил он достаточно мудро, чтобы не вызвать у Лиса-с-горы гнев:

– Если бы я и хотел отомстить людям, то своими собственными силами. Моё Дао Лисы говорит мне, что отмщение в чужие лапы не перекладывают. Когда я стану достаточно сильным, я сделаю это сам.

Лис-с-горы фыркнул:

– Какое интересное Дао Лисы... Для этого тебе нужно отрастить ещё пару хвостов, не меньше. Пятихвостые лисы обладают силой влиять на окружающий их мир.

Господину-с-горы очень хотелось спросить, сколько хвостов у самого Лиса-с-горы, но он не решился.

Лис-с-горы между тем фыркнул по-лисьи и засмеялся:

– Если опять разом отрастишь два хвоста, станешь легендой, Куцехвост!

Господин-с-горы пропустил насмешку мимо ушей. Когда дело касалось отращивания хвостов, он готов был стерпеть что угодно.

[020] Господин-с- горы обретает имя

– Вообще-то, пора придумать тебе лисье имя. Куцехвостом тебя называть уже нельзя, раз ты отрастил два дополнительных хвоста и, быть может, скоро отрастишь ещё один или парочку.

Господин-с-горы старательно медитировал, наевшись персиковой листвы, но четвёртый хвост пока не отрастал, зато Лисье пламя прибавило язычков и уже имеющиеся хвосты выросли ещё на двадцать лисьих пальцев.

О том, чтобы придумать себе достойное имя, Господин-с-горы уже давно подумывал. Наспех придуманное «Куцехвост» казалось ему унижительным. Другие лисы, впрочем, были рады любым кличкам. Одного звали Кривоног, и он этим очень гордился. Девчонку-лису звали Тошя. Ну, она и вправду была тошяя...

Уже превратившиеся в людей лисы имели имена поприличнее. Они подслушивали имена у людей и переделывали их на лисий лад. Фамилии у всех были одинаковые – Ху, и Господин-с-горы подумал, что и ему придётся тоже называться Ху. Что ж, хотя бы над фамилией не придётся ломать голову.

– Что скажешь? – спросил Лис-с-горы.

Господин-с-горы утвердительно наклонил голову, всё ещё погружённый в размышления. Как же его всё-таки звали на самом деле? Он не помнил, но внутри было стойкое ощущение, что имени у него не было вовсе.

«Но ведь так не бывает, – подумал Господин-с-горы, – должны же были родители меня как-то называть».

Родителей он тоже не помнил, хотя точно знал, что они у него были, зато помнил слухи, которые ходили на Таошань: будто бы один из его родителей был небожителем или духом. Господин-с-горы слухам не верил: если бы так, вряд ли бы его доконало какое-то паршивое проклятие! У него был врождённый талант к культивации, только и всего.

– Разумеется, ты будешь Ху, – сказал Лис-с-горы, подтвердив догадки Господина-с-горы. – Все лисы носят фамилию Ху.

– Дао Лисы? – прикинувшись тибетской лисой¹¹, предположил Господин-с-горы.

– Обычно имена даются при воплощении в человека, но я уверен, что ты скоро совершишь прорыв в культивации, так что имя стоит придумать уже сейчас, – сказал Лис-с-горы, сделав вид, что не понял или не заметил иронии в вопросе Господина-с-горы.

Господин-с-горы сообразил, что имя придумывать будет Лис-с-горы, поскольку он ко всем лисьим именам на Хули-

¹¹ Тибетская лиса известна тем, что у неё всегда невозмутимый вид и выражение крайнего презрения на морде.

шань лапу приложил, и насторожённо прянул ушами. Он бы не хотел, чтобы ему досталось какое-нибудь странное имя. Называя лис, Лис-с-горы явно не утруждал свою фантазию, поэтому имена почти всегда состояли из Сяо и какого-нибудь числительного или счётного слова: Сяо И, Сяо Сань, Сяо Шисань, Сяо Цзы... Должно быть, тем самым подчёркивалась иерархия среди лис горы Хулишань. Но Господину-с-горы вовсе не хотелось стать ещё одним лисьим Сяо!

– Я совершенно точно не Сяо¹², – довольно сварливо предупредил Господин-с-горы.

Лис-с-горы приподнял брови:

– Да ну?

– Я разом два хвоста отрастил, – напомнил Господин-с-горы, – умею читать и писать...

– Хотелось бы мне знать, откуда ты это умеешь...

– И даже научился играть в шахматы, – не расслышав, продолжал Господин-с-горы.

– Про стихи не забудь, – прошуршал откуда-то из-за угла Недопёсок, который, будучи чернобуркой весьма любопытной, подслушивал их беседу.

Услышав, как Господин-с-горы себя расхваливает, Лис-с-горы рассмеялся. Он и не собирался умалять достоинств Куцехвоста, ведь тот был необычным лисом, таких на Хулишань ещё не бывало, и не планировал делать из него ещё од-

¹² В некоторых случаях «Сяо» используется как приставка к имени и обозначает «малыш». Часто так ласково называют детей.

ного Сяо, но изобразил на лице снисходительность и сказал:
– Ладно уж, так и быть, никаких Сяо в имени.

Господин-с-горы с облегчением вздохнул.

Лис-с-горы прикрыл глаза и сидел, чуть покачиваясь, хвост его при этом вилял из стороны в сторону. Похоже было, что он погрузился в размышления или медитирует.

– Фэйцинь, – сказал Лис-с-горы после продолжительного молчания, – твоё имя будет Фэйцинь. Недопёсок, хватит подслушивать! Займись делом: принеси мне кисть и бамбуковую табличку.

Чернобурка помчалась выполнять приказание. Лис-с-горы взял кисть и неспешно вывел на бамбуковой табличке новое имя Куцехвоста. Господин-с-горы внимательно смотрел, как он это делает. Прежде он никогда не видел, чтобы Лис-с-горы что-то писал, поэтому априори полагал, что писать тот не умеет. Оказалось, что умел и ещё как: изящному почерку позавидовали бы и столичные каллиграфы!

– Почему Фэйцинь? – спросил Господин-с-горы. Звучало имя неплохо, но у него были кое-какие сомнения по поводу смысла имени, которое состояло из двух иероглифов – «лететь» и «птица». Странное имя для лисы.

Лис-с-горы пристально на него взглянул, будто ждал другой реакции, но, не дождавшись, фыркнул и ответил:

– Потому что мне так захотелось. К тому же... ха-ха... всегда есть вероятность, что помимо хвостов и седалищных мозолей ты сможешь отрастить и крылья, раз уж ты такая

талантливая лиса!

Господин-с-горы недовольно клацнул зубами, но с того дня стал называться Ху Фэйцинем.

[021] Шисюн и шиди

К великому сожалению Господина-с-горы, хвост вырос всего один, так что легендой горы Хулишань он не стал. Четвёртый хвост, вернее третий полноценный, вырос как раз над обкушенным лисьим хвостом, и прятать огрызок стало ещё удобнее. Господин-с-горы сообразил связывать все три хвоста ленточкой, и это позволяло ему управлять всеми тремя одновременно, он больше не спотыкался при ходьбе на задних лапах.

Господин-с-горы раздобыл зеркальце и поглядывал в него то и дело, чтобы убедиться, что лента держится и не развязалась. Всё-таки привычки прошлой жизни переломить ему так и не удалось. Он размышлял, пытаюсь припомнить, почему постоянно гляделся в зеркальце, будучи человеком. Ещё ему было интересно, как он угодил в пруд и утонул, но и это не вспоминалось. Вечный судия сказал, что он сам сиганул в пруд, но зачем ему совершать такой глупый поступок и как можно утонуть в пруду, вода в котором едва доходит до середины бедра? Господин-с-горы почесал лапой за ухом и прицепил зеркальце к поясу, как всегда носил.

«Пожалуй, стоит попробовать изготовить ещё одну духовную пилюлю», – решил Господин-с-горы, который поставил себе цель – отрастить пять хвостов и поглядеть, как пятихвостые лисы влияют на окружающий мир. На этот раз дело

у него ладилось, и мастика для пилюли не так воняла, как в прошлый раз: Господин-с-горы додумался добавить в вариво цветочных лепестков, что приглушило вонь. Оставалось только надеяться, что на рецептуре пилюли это не скажется.

Когда Господин-с-горы уже снимал котелок с огня, приискал Недопёсок. Он понюхал воздух, чихнул и спросил:

– Что это ты варишь?

– Что ты принёс? – вернул вопрос Господин-с-горы, увидев, что лапы того нагружены внушительного вида свёртком.

– Лис-с-горы велел отдать тебе. – Недопёсок сгрузил свою ношу в угол. – Твоя одежда. Понадобится, когда станешь лисом-оборотнем. Лис-с-горы сказал, что ты совсем скоро научишься превращаться в человека.

Господину-с-горы отчего-то не слишком хотелось снова превращаться в человека. Или это лисье сознание брало верх над ним? Он поскрёб лапой за ухом.

– Что ты варишь? – снова спросил Недопёсок и сунул морду в котелок, чтобы понюхать. – Фу, это опять та мерзость, что и в прошлый раз? У тебя снова черви в животе завелись?

– Нет, – оскорбился Господин-с-горы, – не завелись. Я пью чай с петрушкой и полынью. Это для культивации. Поможет поскорее отрастить ещё один хвост.

– А-а-а... – протянул Недопёсок, и в его взгляде появилась лёгкая зависть. У него-то был всего один хвост.

Господин-с-горы скатал пилюлю, подумал и разделил её надвое. Одну половину он протянул Недопёску.

– Можешь съесть. Только не подавись.

Недопёсок растерялся, но лапы подставил. Казалось, он не может поверить своему счастью.

– Я правда могу это съесть?

– Да, – ответил Господин-с-горы, удивляясь, почему Недопёсок так взволнован, – ты всегда мне помогаешь, поэтому я решил тебя отблагодарить. Не знаю, конечно, поспособствует ли это твоей культивации, но попробовать стоит.

Недопёсок сунул пилюлю в рот и проглотил. Господин-с-горы тоже проглотил свою, на этот раз – благополучно, потому что пилюля была меньшего размера и в горле не застряла.

– Я уже чувствую, как меня переполняют силы! – воскликнул Недопёсок, явно преувеличивая эффект. – Спасибо, шисюн¹³!

– Как ты меня назвал? – удивился Господин-с-горы.

Недопёсок осклабился – это у лис сродни улыбке – и повторил:

– Шисюн! Теперь ты мой старший брат.

Господин-с-горы не слишком был доволен, что Недопёсок назвал его шисюном. У него были неприятные воспоминания, связанные с этим словом: на тот свет его отправили как раз его собственные шиди, если верить словам Вечного судии.

Новоиспечённый шиди¹⁴ прямо-таки сиял, когда это гово-

¹³ Шисюн – старший брат, старший соученик.

¹⁴ Шиди – младший брат, младший соученик.

рил:

– Шисюн!

– Почему ты так радуешься?

– Я ведь не настоящий лис, я полукровка, – сказал Недопёсок, разводя лапами. – Другие лисы меня за лиса не считают, а ты обращаешься со мной как с равным. Поэтому я подумал, что если буду держаться тебя, то не пропаду, а ты меня не обидишь. А может, я и второй хвост смогу отрастить, если буду на тебя равняться. Смотри! – И он неловко попытался подражать походке Господина-с-горы.

– Не думаю, что подражание поможет отрастить ещё один хвост, – заметил Господин-с-горы, но слова Недопёска его умилили. – Ладно, можешь называть меня шисюном, если тебе так хочется. В обиду я тебя не дам. Какая разница, какого цвета шерсть, был бы лис хороший.

– Шисюн, – торжественно сказал Недопёсок, – я за тебя хоть собакам в пасть!

Господин-с-горы поёжился. Это лисье присловье ему не нравилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.